

ГЛАВА IV

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА В СОСТАВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

4.1. МОНГОЛЬСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

Переходя к рассмотрению волны монгольских завоеваний, необходимо прежде всего установить ее причины, указать на то *фундаментальное открытие*, которое играло в этом определяющую роль. Нет сомнения, что монголы обладали военным превосходством над своими противниками, но каковы были масштабы этого превосходства? Могли ли русские дружины противостоять монголам — даже если они были бы собраны в одну армию? Приведем один пример. В сентябре 1211 года монголы встретились в битве у крепости Хуйхэпху с армией могущественной китайской империи Цзинь. Это была регулярная армия, состоявшая из профессиональных воинов-латников, которые использовали тактику таранных атак. По китайским источникам, численность цзиньской армии составляла около *400 тысяч солдат* — это были лучшие войска, собранные со всей огромной империи¹. Монголов было не более 100 тысяч — тем не менее цзиньская армия была наголову разбита и практически уничтожена. «Пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья», — говорит «Сокровенное сказание»².

Военное превосходство монголов было колоссальным — но в чем оно заключалось? Историки по-разному объясняют причины монгольских побед; одни говорят о талантах монгольских полководцев, о маневренной тактике, другие — о жесткой дисциплине, о четкой военной организации. Однако известно, что монголы заимствовали свою тактику и организацию у Цзинь и побежденной ею империи Ляо³, что в сотнях битв на протяжении XIII века монголами командовали разные (и не всегда талантливые) полководцы — тем не менее они почти всегда побеждали. Так в чем же заключалась причина этих побед? Ответ на этот вопрос был одной из задач посольства, направленного римским папой ко двору монгольского хана. Возглав-

лявший это посольство ученый монах Плато Карпини оставил подробное описание оружия и тактики монголов.

«Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое, — писал Плато Карпини, — два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые... Некоторые имеют латы... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча... Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и они это делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду...» Плато Карпини акцентирует внимание на стрелковом вооружении и стрелковой тактике монголов: «...Надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят или убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой». В заключение посол дает рекомендации о том, как противостоять татарам: нужно иметь хорошие луки и закаливать стрелы, как это делают монголы, а чтобы уберечься от монгольских стрел, нужно иметь двойные латы⁴.

Свидетельства многочисленных источников сходятся на том, что монголы уклонялись от ближнего боя, что они были сильны главным образом в стрелковом бою. Монголы были прекрасными лучниками, они выпускали тучи стрел, которые летели дальше, чем у других народов, и ударяли с такой силой, что убивали лошадей и пробивали доспехи всадников. Монголы обладали необычно мощными луками, которые к тому же позволяли поддерживать высокий темп стрельбы — такой вывод следует из свидетельств современников⁵.

Этот вывод поддерживается свидетельствами археологов, которые говорят о появлении в XI–XII веках лука нового, «монгольского» типа⁶. Он отличался от гуннского лука тем, что имел не боковые, а одну фронтальную костяную накладку, игравшую принципиально иную роль: она не лишала участок кибити упругости, а наоборот, увеличивала упругость, добавляя к рефлекторному усилию деревянной основы усилие расположенной по центру лука костяной пластины⁷. При небольших размерах (около 120 см) монгольский лук обладал огромной мощностью: по данным китайских источников, сила натяжения монгольского лука составляла не менее 10 доу (66 кг)⁸. Х. Мартин определяет силу монгольских луков в 166 фунтов (75 кг) и отмечает, что они не уступали знаменитым английским лукам, погубившим

французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье⁹. Ю. Чамберс оценивает силу монгольских луков в 46–73 кг, а английских — в 34 кг¹⁰. После английских луков самыми мощными луками в Европе были венгерские; это были луки гуннского типа, и их натяжение оценивается специалистами в 32 кг; напомним, что эти луки противостояли монгольским в битве при Шайо, которая закончилась страшным разгромом венгров¹¹. Луки среднеазиатских тюрок X века также были гуннского типа с максимальным натяжением в 100 ратлей (32 кг)¹².

Небольшие размеры монгольского лука делали его удобным для конного лучника; это позволяло точнее прицеливаться и вести стрельбу в высоком темпе — до 10–12 выстрелов в минуту. Ю. С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом другого фундаментального открытия — появления автоматического оружия в XX веке. Скорострельность монгольского лука имела не меньшее значение, чем его мощность, она позволяла монгольским воинам сокращать дистанцию боя, давала им уверенность в том, что противник не устоит перед «ливнем стрел»¹³.

Новому луку соответствовал новый тип стрел. Наряду с обычными наконечниками у монголов довольно часто встречались огромные наконечники длиной до 15 см, шириной пера в 5 см и весом до 40 граммов. При обычном соотношении веса наконечника и стрелы (1:5, 1:7), стрела с таким наконечником должна была весить 200–280 граммов. Тяжелые стрелы были еще одним свидетельством мощи монгольского лука; они обладали огромной убойной силой и предназначались для поражения лошадей¹⁴.

Согласно Ю. Чамберсу, дальность стрельбы из монгольского лука достигала 320 метров, а дальность английского лука — 230 метров¹⁵. Впрочем, В. Патерсон подчеркивал, что реальное преимущество более мощного лука состоит не в его дальнобойности, а в том, что он позволяет использовать более мощную стрелу, позволяющую пробивать доспехи¹⁶. По мощи лук не уступал аркебузам, а по скорострельности намного превосходил их — однако научиться стрелять из лука было намного сложнее, чем научиться стрелять из аркебузы. Современные спортивные луки имеют силу натяжения «всего лишь» 23 кг, но стрельба из них требует хорошей физической подготовки, и даже спортсмену непросто выпустить за день соревнований около сотни стрел¹⁷. Луки монгольского типа требовали необычайно сильных рук: император Фридрих II особо отмечал, что у монголов «руки сильнее, чем у других людей», потому что они постоянно пользуются луком¹⁸. Плано Карпини свидетельствует, что монголы с трехлетнего возраста учили своих детей стрелять из лука, постепенно увеличивая его

размеры¹⁹. Таким образом они наращивали мускулатуру рук и отработывали механизм стрельбы на уровне условных рефлексов. Воинам других народов было чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно, научиться хорошо стрелять из монгольского лука — даже если бы он достался им в качестве трофея. Писавший в XV веке арабский автор наставления по стрельбе из лука отмечал, что в его время (спустя столетие после падения монгольского владычества в Персии) многие секреты стрельбы были уже утеряны²⁰.

Еще сложнее было наладить производство луков монгольского типа. Изготовление сложносоставных луков требовало большого мастерства. Слои дерева, костяные накладки и сухожилия склеивали под сильным прессом, после чего лук подвергался длительной просушке, иногда в течение нескольких лет. Окончание изготовления лука сопровождалось специальными церемониями. Мастера по изготовлению луков пользовались большим уважением, и даже великий хан оказывал им почести. Высоко ценя (и даже почитая) свои луки, монголы, естественно, стремились уберечь их от непогоды; для этого использовалось налучье, которое вместе с колчаном называлось «сагайдак»²¹.

Новое оружие требовало применения тактики, которая обеспечила бы использование всех его преимуществ. Как отмечалось выше, это была тактика уклонения от ближнего боя, обстрел противника из луков, который мог продолжаться несколько дней. Полное преобладание у монголов стрелковой тактики еще более оттеняется тем обстоятельством, что, по свидетельству Плано Карпини, лишь богатые воины имели мечи или сабли. Сабля была оружием противников монголов, тюрок, и со временем она распространилась среди монголов, но это распространение было довольно медленным. Археологи отмечают, что сабли были обнаружены лишь в двух (самых богатых) среднеазиатских захоронениях XIII–XIV веков, а на Саяно-Алтае их вовсе не найдено²².

У подавляющего большинства монгольских воинов не было железных доспехов. При раскопках в Монголии было обнаружено очень малое число бронебойных стрел, и это дает специалистам основание утверждать, что монгольское войско составляли в подавляющем большинстве легковооруженные лучники. Это особенно контрастирует с тяжелым вооружением главных противников монголов — воинов Цзинь (чжурчжэней), и, прежних, домонгольских, властителей степей, киданей²³. По-видимому, в данном случае имел место сознательный отказ части воинов от тяжелого вооружения, который объясняется тем, что тогдашние доспехи все равно не могли защитить

от стрел, выпущенных из монгольского лука. Эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия: он заставил большинство воинов снять доспехи²⁴.

Как отмечалось выше, главным доказательством фундаментального характера военной инновации является ее перенимание другими народами. «Повсеместное распространение и заимствование монгольского оружия в кочевом мире в XIII–XIV веках наглядно свидетельствует о его большой эффективности», — отмечает Ю. С. Худяков²⁵. Процесс перенимания монгольского оружия на Ближнем Востоке достаточно подробно освещен источниками. Рашид-ад-дин свидетельствует, что в Персии оружие для армии ильханов изготовлялось в организованных монголами больших государственных мастерских «кархана»²⁶. Таким образом, в Персии образовался центр производства монгольского оружия, которое вскоре стало достоянием всего Ближнего Востока — а также и Руси.

Монгольское оружие перенималось другими народами как часть комплекса культурных элементов, составлявших культурный круг. Формирование этого культурного круга определялось последовательностью монгольских завоеваний. Первой страной, завоеванной монголами, был Китай; после завоевания Китая начался процесс социального синтеза и создания Монгольской империи — государства, совместившего монгольское оружие и китайские управленческие и культурные традиции. В ходе дальнейших завоеваний эта синтезированная культура распространилась на обширные пространства Азии и Европы, в том числе и на Россию. Таким образом, большое значение приобретает изучение китайских элементов монголо-китайского культурного круга — элементов, заимствование которых оказало огромное влияние на судьбы многих государств Евразии.

4.2. КИТАЙСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

Как отмечалось выше, социально-политическое устройство Монгольской империи было результатом *социального синтеза*, в котором помимо собственно монгольских традиций участвовали традиции завоеванных стран, прежде всего Китая. Этот синтез начался еще до завоевания Китая, когда в 1206 году после долгих войн хан монголов Тэмуджин объединил племена восточной части Великой Степи и был провозглашен Чингисханом. Новому хану потребовалось несколько лет на создание эффективной военно-административной системы; по образцу китайской империи Цзинь войско и народ были

разделены на десятки, связанные круговой порукой; был оглашен кодекс законов («Яса»), направленных на поддержание военной дисциплины. Суровая государственная дисциплина, восходящая к древней китайской традиции легистов, уничтожение влияния племенной знати и возвышение по заслугам — это была та важнейшая черта, которая отличала монголов Чингисхана от тюрок и других кочевников Средневековья.

В начале своих завоеваний монголы не имели готовых административных институтов для управления земледельческими государствами; они не имели даже письменности²⁷. За отсутствием собственных бюрократических кадров монголы были вынуждены доверить создание новой администрации перешедшим на их сторону чиновникам покоренных государств. Первым из таких чиновников был уйгур Тата тун-а, который учил детей Чингисхана и первых монгольских чиновников уйгурскому письму. Сунский посол Чжао Хун писал, что после овладения северной столицей Цзинь, Яньцзином, монголы создали там администрацию по цзиньскому образцу, причем документация велась на уйгурском языке²⁸. Естественно, что многие термины, используемые этой администрацией, имели уйгурское происхождение, в их числе «ярлык» (ханский указ), «тамга» (печать, а также торговый налог), «ал тамга» (алая печать хана), «тамгачи» («обладатель печати», «чиновник»), «купчур», «калан», «ясак» (различные налоги), «сагчий» (сановник)²⁹.

При великом хане Угэдэ главой новой администрации стал бывший цзиньский чиновник Елюй Чуцай, которому было поручено наладить сбор налогов на завоеванных территориях. Елюй Чуцай восстановил административное деление на области «лу» и провел перепись населения, при которой, как обычно в Китае, переписывались не люди, а дворы, и население объединялось в «десятидворки» и «стодворки», связанные круговой порукой в уплате налогов, выполнении повинностей и поставке рекрутов. Круговая порука была одним из основных элементов легистской системы управления — эта была черта, резко отличающая Китай от обществ с развитой частной собственностью, от Византии и от западноевропейских государств — позднее эта черта стала важным отличием России от Европы.

После проведения переписи Чуцай ввел два основных налога, подушный и поземельный. Традиционный для Китая подушный налог («дин-шуй») собирался с совершеннолетних мужчин; первоначально его собирали в зерне по единой для всех ставке, но позже (с 1253 года) стала учитываться имущественная состоятельность и налог стали собирать в деньгах. Поземельный налог (как и при Цзинь) исчислялся

в зависимости либо от количества волов и плугов, либо от количества и качества земли. Однако реально каждая семья платила один налог — тот, который был больше; крестьяне обычно платили поземельный, а горожане и кочевники — подушный налог; священнослужители от налогов освобождались. С кочевников брали налог, который назывался «купчур» (собственно, «пастбище» или «налог на пастбище») и составлял 1 голову скота с каждых 100 голов³⁰. В целом введенные Чуцаем налоги были необременительны для народа и считались легкими³¹.

Чуцай восстановил также и торговый налог, который взимался при продаже и составлял $\frac{1}{30}$ стоимости товара. Была снова введена воинская повинность и государственная торговая монополия на ряд важных товаров, в том числе на соль и вино. В отношении других товаров правительство обладало правом проводить принудительные закупки по установленным им ценам. Был возобновлен выпуск бумажных денег с номинальной стоимостью. Под руководством Чуцай была восстановлена система почтовых станций, которые назывались по-китайски «чжань» или «чжам», откуда происходит монгольское слово «джам», тюркское — «йам» и русское — «ям»³². Нужно отметить, что функции ямской службы были намного шире, чем функции почты; это была государственная транспортная служба, предназначенная для перевозки людей и грузов — и не только государственных грузов: за определенную плату ямами могли пользоваться и купцы. Это была наиболее мощная транспортная система, существовавшая в мире до появления железных дорог.

Однако Чуцаю не удалось восстановить китайскую администрацию в чистом виде. В 1236 году Угэдэй принял решение по монгольскому обычаю пожаловать князьям и знати «удусы», которые по-китайски назывались «тан му-и» («уделы на кормление»). Таким образом, страна оказалась поделенной на две части: одни области непосредственно управлялись центральной администрацией, другие отдавались в уделы³³. Елюй Чуцай протестовал против этого решения и в конце концов настоял, чтобы в каждый удел были назначены государственные чиновники «даругачи», ограничивавшие права князя. Согласно «Юань ши», даругачи проводили переписи, собирали налоги, доставляли их в столицу, проводили рекрутский набор, отвечали за работу почтовых станций³⁴.

Елюй Чуцай потерпел еще одну неудачу в попытке сохранения китайской традиции, когда Угэдэй приказал ввести налоговые откупа. Откупа были распространены в мусульманском мире, и они были введены по настоянию монгольской знати, сотрудничавшей с му-

сультманскими купцами. Пользуясь покровительством знати, откупщики злоупотребляли своими полномочиями: завышали ставки налогов, предоставляли неплательщикам деньги в долг под кабальные проценты и иногда обращали должников в рабов³⁵.

Несмотря на эти трудности, Елюй Чуцаю удалось создать эффективно функционирующую административную и налоговую систему. В целом реформа Чуцай подразумевала восстановление китайских государственных традиций и распространение их на все завоеванные монголами государства. Необходимо подчеркнуть, что это была *совершенная и уникальная по тем временам государственная система* – продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока – хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались «абы как», «навскидку». Наиболее важным элементом китайской государственной системы был этатизм, господство активно использующей государственное регулирование автократии. Многочисленные монополии вместе с эффективной налоговой системой обеспечивали экономическое и военное могущество государства. Это могущество побудило к перениманию китайско-монгольских порядков многие страны Азии – не только те государства, которые были завоеваны монголами³⁶.

Китайское влияние на завоеванные монголами страны не сводилось к сфере государственного устройства. Установление прочных государственных и торговых связей привело к распространению культурных достижений китайской цивилизации, тех великих открытий, которые долгое время определяли культурное превосходство Китая над Европой.

На первом месте среди этих открытий стоит технология чугунного литья. Литье чугуна было освоено в Китае еще в IV до н. э., и ко времени монгольского завоевания чугунные изделия получили массовое распространение; к числу таких изделий относились, прежде всего, котлы, сошники для плугов, втулки для колес. Из Китая технология литья чугуна распространилась в кочевой мир Великой Степи и в Среднюю Азию. Одним из крупных центров этого производства была столица Монгольской империи Каракорум, и большие монгольские «арбы», отправлявшиеся отсюда по Великому шелковому пути в столицу Золотой Орды, Сарай, имели чугунные втулки. Археологические данные говорят, что в начале XIII века технология чугунно-

го литья была освоена в Туве; в начале XIV века чугунное литье стало производиться в городах Поволжья, прежде всего, в Сарае, Укеке и Болгаре. Изделия из чугуна, датируемые XIII–XIV веками, были найдены археологами в Средней Азии, на Урале, на Северном Кавказе, близ Киева и Липецка, в Белгороде, на Днестре³⁷.

Слово «чугун» имеет уйгурское происхождение³⁸ (как и многие слова, используемые канцеляриями Монгольской империи). Чугунные котлы назывались по-татарски «чуйун казан», а по-русски «чугун» («чугунок») или «казан». Название города Казань говорит о том, что, как и расположенный рядом Болгар (Булгар), этот город был центром металлургического производства. При раскопках Болгара были найдены остатки домниц, имевших высоту до 2,5 метров и работавших на древесном угле. По мнению известного историка металлургии Д. В. Гаврилова, эта технология ничем не отличалась от той, которая была освоена в Западной Европе в конце XIV века. Л. Р. Кызласов считает, что она была завезена на Запад с помощью среднеазиатских купцов — подданных Золотой Орды — водивших свои караваны с низовий Днепра на Львов³⁹.

Говоря о распространении монгольского оружия, необходимо упомянуть также и о порохе. Порох был китайским изобретением («хо яо»), и ко времени монгольского завоевания метаемые баллистами пороховые гранаты «хо пао» широко использовались в армии Цзинь. Но баллисты были слишком тяжелы для применения в полевых сражениях, и «хо пао» применялись почти исключительно при осаде городов — на этой стадии своего развития пороховое оружие еще не обеспечивало победу в войнах. Тем не менее монголы быстро заимствовали эти гранаты и применяли их при осаде городов в Китае, на Ближнем Востоке и на Руси. С этого времени порох становится широко известен; рецепт его изготовления приводится в книгах арабского писателя XIII века Гассана Аль-фамаха и византийца Максима Грека. Пороховые гранаты использовались воинами Золотой Орды: их находки известны во многих городах Поволжья. Порох был известен и русским, которые называли его «огненным зельем» — это название представляет собой буквальный перевод китайских иероглифов «хо яо»⁴⁰.

Большой интерес представляет вопрос о заимствовании сельскохозяйственных орудий. Одним из крупнейших достижений китайской цивилизации было создание эффективной конструкции плуга, причем китайские плуги отличались от появившихся позднее европейских отсутствием резцов-«чресел». В пределах Золотой Орды, на территории Тюменского юрта, имеются по крайней мере две на-

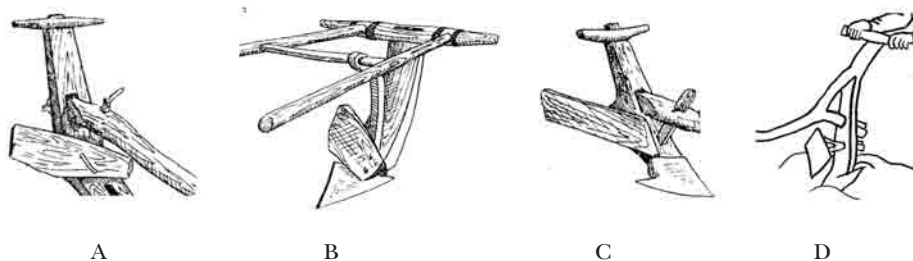

рис. 4.1. А — китайский плуг с фрески 630 г.⁴⁴, В — сабан Уфимской губернии, С — «вятская соха», D — «казанский сабан»⁴⁵.

ходки чугунных сошников китайских плугов. Один из этих сошников, найденный близ деревни Алексеевка на берегу Иртыша, имеет надпись из двух китайских иероглифов и относится к IX веку⁴¹. Другой найден на берегу реки Исети близ села Красноармейского. «Очевидно, что плуги с чугунными сошниками и отвалами были в обиходе Сибирского улуса Золотой орды в XIII–XIV вв., — пишет по поводу этой находки Р. Л. Кызласов. — И, конечно, чугунные части их отливались на месте, на базе уральских месторождений железа и каменного угля»⁴².

Использовались ли китайские плуги на западной стороне Уральских гор? Чугунные лемехи здесь до сих пор не обнаружены, однако Ю. А. Краснов указывает на появление в Прикамье в XIV веке плуга принципиально новой конструкции, этнографически отождествляемого им с легким сабаном или «лемехом». Отличительной чертой этих плугов было то, что они не имели чресел; другими особенностями были цельная основа плуга и изогнутый вверх грядиль⁴³. Достаточно сравнить изображенный на рис. 4.1 уфимский сабан с китайским плугом эпохи Тан, чтобы убедиться в тождественности основных элементов конструкции этих плугов.

Заметим, что грядиль китайского плуга разветвлялся и крепился к основе в двух местах, нижнее крепление обычно называют «стойкой». У уфимских сабанов XIX века стойку, как видно на рис. В, заменил железный стержень с винтом, однако старинная система крепления сохранилась у казанского сабана (рис. D). На примере казанского сабана можно видеть дальнейшую эволюцию отвала, который назывался «шабала» или «полица», и первоначально (как и в Китае) крепился к основе на деревянном штыре, а затем стал врезаться в основу справа. Старый способ крепления «шабалы» сохранился у вят-

ского лемеха, который представляет собой сабан, переделанный под лошадиную упряжь с заменой грядиля оглоблями (рис. С). В итоге, если мы соединим архаические черты плугов С и D и представим вятский лемех с грядилем казанского сабана, то получим конструкцию древнего китайского плуга — конструкцию, не имеющую даже отдаленных аналогий к западу от Руси.

Еще один компонент китайско-монгольского культурного круга — это отапливаемая лежанка, кан. Кан впервые появился, по-видимому, в Корее, откуда распространился в Китай, Маньчжурию и к кочевникам Великой Степи. Западная граница распространения кана проходит по границам Золотой Орды, достигая Белгорода Днестровского в Молдавии. Для домов с каном, и в Поволжье, и в Китае, характерен своеобразный интерьер: отапливаемые лежанки занимали большую часть комнаты и прикрывались циновками и кошмами, мебели в таких домах не было. Влияние китайской культуры в Поволжье проявлялось также в распространении каркасной конструкции домов с деревянными стеновыми панелями⁴⁶.

Заемствования коснулись так же сферы одежды и быта. Одежда в некоторых случаях играет роль военной формы, и ее заимствование прямо связано с заимствованием оружия. Одежда монгольских воинов была стереотипной и содержала в зимнем варианте шапку-ушанку (монг. «малахай»), двуслойную шубу мехом наружу (монг. «доха») и сапоги с войлочными чулками («саб»), известные на Руси как «валенки». Весь этот комплект одежды был заимствован как тюрками, так и русскими; русское слово «сапог», вероятно, произошло от монгольского «саб»⁴⁷. Из других заимствований можно отметить также обычай татарских женщин покрывать лицо китайскими белилами («упа»). Этот обычай, по-видимому, был перенят у монголов, которые заимствовали его из Китая⁴⁸. Любопытно, что русские женщины также густо покрывали лицо румянами, что вызывало удивление европейских путешественников⁴⁹.

Известны также многочисленные заимствования в технике керамического производства и в росписи. В Золотой Орде было налажено производство подражавшего китайскому фарфору фаянса — так называемого «кашине». «Китайские мотивы бродили во всех сферах золотоордынского искусства, сосредоточившись более всего в кашинной керамике с росписью кобальтом», — писал Г. А. Федоров-Давыдов⁵⁰. Красивая и разнообразная фаянсовая керамика была самым ярким проявлением культурных достижений золотоордынской цивилизации; изящные разноцветные сосуды можно было найти даже в домах бедняков; они в больших количествах ввозились на Русь⁵¹.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что опосредованное монголами китайское влияние проявлялось во многих сферах жизни Золотой Орды. В золотоордынском обществе широко применялись китайские технологии в военном деле, в ремесле, в сельском хозяйстве, в строительстве жилищ. Китайско-монгольское влияние явственно проявлялось и в бытовой сфере. Как мы увидим далее, административная и налоговая системы были также построены по китайскому образцу.

4.3. ЗОЛОТАЯ ОРДА

Золотая Орда первоначально была Улусом Джучи, владением старшего сына Чингисхана. Это был один из улусов Монгольской империи, и вполне естественно, что его административная и податная система следовала общеимперскому китайско-монгольскому образцу. Подушная подать в Орде называлась «ясак», а поземельная — «калан», и они составляли пару соответствующую имперскому подушно-поземельному налогу. Так же, как в империи, этот налог дополнялся налогом с кочевников — «купчуром»⁵². Кроме того, в источниках упоминается повинность по обслуживанию ямских станций, торговый налог — «тамга» и принудительные государственные закупки — «тарх», все эти налоги и повинности аналогичны тем, которые были установлены Елюй Чуцаем⁵³.

В административном отношении государство состояло из домена хана и улусов, отдаваемых в управление бекам или князьям; русские князья также считались улусниками великого хана. В Золотой Орде, как и в Китае, проводились переписи, население было разбито на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тумены» (общее число туменов достигало семидесяти)⁵⁴. Как и в Китае, «баскаки» представляли военную власть, а «даругачи» («даруги») — гражданскую⁵⁵. Источники упоминают «даругачи» разных уровней: «городские даруги», «внутренних селений даруги» и т. д. Известно, что существовали налоговые росписи-«дефтеры», которые вели писцы, «битикчи» или «бакши»; часть документации велась на уйгурском языке или на монгольском языке уйгурскими буквами (при этом использовалось китайское летоисчисление). Среди сборщиков налогов упоминаются «таможники», сборщики тамги, и «поплужники»; последнее позволяет предположить, что поземельный налог, как в Китае (и в Персии), собирался с плугов. В источниках упоминаются также судьи-«яргучи» и государственные мастерские «кархана»⁵⁶.

Знать Улуса Джучи имела монгольское происхождение, говорила на монгольском языке и в быту долгое время поддерживала монгольские традиции⁵⁷. Ибн Батута, посетивший столицу Золотой Орды, Сарай, в 1333 году, писал, что «монголы — это настоящие жители страны и владыки ее»⁵⁸. Как в давние времена монгольских ханов хоронили в деревянных домах, наполненных драгоценностями, оружием, принесенными в жертву слугами и наложницами⁵⁹. Хань — потомки Чингиса — были самодержавными владыками, правившими по китайским традициям с помощью китайских или уйгурских чиновников. Подобно хазарским хаканам они проводили в своей столице лишь зиму, а весной со своей походной ставкой, «ордой», отправлялись на кочевку в степи.

Главными сановниками «орды» были «беклербек», командующий войсками, и «визирь», начальник финансовой части; кроме того, в ставке пребывало 50–60 эмиров-тысячников. Эмиры обычно были вождями племенных подразделений, но при вступлении на престол нового хана (и в некоторых других случаях) они должны были являться за подтверждением своего «ярлыка». Охрану ставки осуществлял гвардейский корпус наподобие созданного Чингисханом корпуса «кешектенов». Во времена Казанского ханства гвардейцев называли «огланами» (буквально: «сыновья»), как и монгольских «кешектенов», их набирали из детей знати⁶⁰. Как отмечалось выше, это была монгольская знать: половецкая аристократия была уничтожена завоевателями; оставшиеся половецкие роды были перемешаны друг с другом; над этими новыми образованиями были поставлены монгольские нойоны. Однако вне столицы татаро-монголы довольно быстро ассимилировались. «В древности это государство было страной кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами (татар) и все они стали, точно кипчаки, как будто из одного рода...»⁶¹. Таким образом, приняв имя татар, кипчаки через некоторое время сумели ассимилировать завоевателей, передав им свой язык. Как обычно бывает при социальном синтезе, этнические различия превратились в сословные и социальные.

В экономическом отношении Золотая Орда продолжала традиции Хазарии и половецких ханств. В степях Поволжья и Причерноморья располагались кочевья татар, а на окраинах, на Северном Кавказе, в Приднестровье, в Булгарии и на Руси — села и города земледельцев. Земледельцы платили хану налоги, но они были сравнительно невелики. Так, вся дань Великого княжества Владимирского составляла

5 тысяч рублей, в то время как доход каждого из 50–60 эмиров равнялся 100–200 тыс. золотых динаров, то есть примерно 5–10 тыс. рублей⁶². Основную часть дохода, как и в Хазарии, доставляли торговые прибыли. Огромная Монгольская империя объединила всю Великую Степь, и это позволило проложить новую трассу Великого Шелкового пути — прямо по степи от Каракорума через Сарай к портам Крыма. Тысячи запряженных верблюдами огромных повозок с шелком, фарфором и другими товарами двигались по этому пути от одного караван-сарая к другому. В порту Кафы товары перегружали на итальянские суда, развозившие их по всему Средиземноморью. Побывавший в Кафе в 30-е годы XIV века Ибн-Батута писал, что в гавани этого большого города одновременно находилось около двухсот кораблей⁶³. Богатства ордынских купцов были сопоставимы с доходами эмиров (и с данью Руси): генуэзцы однажды захватили в море венецианский корабль, везший девятерых татар с серебром и товарами на 4 тысячи сомов (примерно 4 тыс. рублей)⁶⁴. В другом случае тверской княжич Иван, будучи в Орде, сумел задолжать купцам 10 тысяч рублей и в конце концов был выкуплен Дмитрием Донским⁶⁵.

Одним из главных — если не самым главным — товаром Татарии были рабы. До конца XIII столетия продолжались войны против еще сопротивлявшихся русских княжеств; каждый татарский поход сопровождался уводом полона. Русские летописи буквально пестрят сообщениями о том, что татары «множество бесчисленно христиан полониша», «овех посече, а овех в полон поведе», «со многим полоном отыдоша»⁶⁶. Жившие в земляных бараках славянские рабы строили ордынские города, а излишки «живого товара» продавали итальянцам в Крыму. Какие выгоды приносила эта торговля, можно судить по примеру, когда 17-летняя русская девушка была продана во Флоренции за 2093 золотых лиры⁶⁷ — это составляет около 380 рублей серебром (но обычная цена была, конечно, ниже). Русские женщины («белые татарки») ценились на рабских рынках намного дороже «желтых татарок». Живший в Дели великий персидский поэт Амир Хосров воспевал красоту русских рабынь⁶⁸. Описывая добычу, доставшуюся Тохтамышу поле разгрома Москвы, арабский автор при упоминании о русских женщинах переходит на стихи: «Что я скажу о подобных пери — как будто розы, набитые в русский холст!»⁶⁹. Таким образом, захват полона и работорговля приносили татарской знати, по-видимому, намного большие доходы, чем сравнительно скромная русская дань.

Эволюция социально-политического устройства Золотой Орды протекала в том же направлении, что и эволюция других государств,

созданных монгольскими завоевателями — в частности, иранского государства Хулагуидов. Это был обычный путь от социального синтеза к традиционалистской реакции. Описание процесса социального синтеза в Персии дано И. М. Петрушевским в классическом труде «Земледелие и аграрные отношения в Иране»⁷⁰. Поначалу завоеватели установили принесенные ими китайские порядки, в том числе китайскую налоговую систему, при которой сбор налогов повсюду — даже в улусах, отведенных эмирам, — осуществлялся государственными чиновниками. На деле, однако, налоги отдавались на откупа, и откупщики обирали население, как могли; кочевники грабили крестьян, и в государстве царил анархия. Но постепенно верх взяла персидская традиция; это нашло свое выражение в исламизации государства и знаменитых реформах Газан-хана (1295–1304). Газан-хан уничтожил откупа, прекратил грабежи кочевников и восстановил порядки Халифата. Как было принято до монголов, Газан-хан раздал воинам поместья-икта, причем эмирам давались в икта целые области; эмиры сами собирали налоги с этих областей, передавая в казну лишь небольшую часть этих налогов.

Реформы Газан-хана привели к усилению Персии, могущество которой заставило соседние государства, мамлюкский Египет и Делийский султанат, трансформироваться по хулагуидскому образцу. По существу, эта трансформация была продолжением распространения монгольской диффузионной волны, которая, продвигаясь на запад, впитывала в себя новые, мусульманские культурные элементы — так же, как прежде она воспринимала китайскую культуру⁷¹. Волна трансформации по хулагуидскому образцу распространилась и на Золотую Орду⁷². Первая попытка исламизации Золотой Орды имела место еще при хане Берке (1257–1266), но она натолкнулась на сопротивление языческой кочевой знати. Правившие после Берке три золотоордынских хана были язычниками. После смерти хана Токты в 1312 году одним из претендентов на престол был его племянник Узбек, в то время командовавший армией, собранной для похода на Русь. Узбек еще в юности принял ислам, и монгольская языческая знать попыталась воспрепятствовать его воцарению — тогда Узбек вошел с войском в столицу и расправился со своими противниками. Взойдя на престол, он стал решительно насаждать новую религию; служители языческих культов подвергались преследованиям и казням⁷³.

Узбек привлек к власти мусульманскую бюрократию и попытался создать мощное централизованное государство на основе исламских традиций. Один из арабских авторов этого времени, ал-Калькашан-

ди, свидетельствует, что управление в Золотой Орде было организовано так же, как в Персии⁷⁴; улусы ордынской знати фактически превратились в икта, нойоны и беки строго подчинялись хану, но вместе с тем полновластно распоряжались в своих владениях⁷⁵. Политика централизации проводилась решительными методами: в 1318–1330 годах в Орде было казнено пять русских князей. «Кровавые репрессии достигли цели, — писал В. Л. Егоров, — и, по словам русской летописи, „наступила тишина великая на 40 лет и престаше погании воевать русскую землю“. Теперь на Руси не появлялись то и дело карательные золотоордынские отряды. Запуганные русские князья сами привозили дань в ханскую ставку»⁷⁶.

Таким образом, подражая Газан-хану, Узбек сумел навести в своем государстве самодержавный порядок: с одной стороны, он заставил подчиняться князей и эмиров, с другой стороны, прекратил грабежи и насилия кочевников над земледельческим населением. Как следствие прекращения угона пленных историки отмечают в XIII веке значительное сокращение работорговли в крымских портах⁷⁷.

В культурном отношении принятие татарами ислама имело такое же значение, что принятие иудаизма хазарами и православия русскими. Из Ирана были приглашены известные проповедники и мусульманские ученые; получила распространение арабская письменность. Самым известным из поэтов тех времен был Котби, автор поэмы «Хосров и Ширин», которую он подарил сыну Узбека, Джанибеку⁷⁸. Для строительства мечетей еще во времена Берке из Ирана и Хорезма приглашали строителей, ремесленников, керамистов. Города Золотой Орды постепенно приняли мусульманский облик; глинобитные мазанки заменили здания, построенные из кирпича; при Узбеке была построена новая великолепная столица, Сарай ал-Джедид⁷⁹. Архитектура Золотой Орды, отчасти заимствованная Русью, питалась среднеазиатскими традициями, именно из Средней Азии ведут свое начало купола-«луковки», роднящие московские церкви и индийские мавзолеи. Другой характерной деталью облика Булгара были шатровые купола; еще до монгольского нашествия они были занесены сюда из Армении мастерами, спасавшимися от монголов на далеком севере. В золотоордынских городах строились монументальные здания общественных бань — эта мусульманская традиция восходит к византийским термам; позже, после взятия Казани, она пришла и на Русь⁸⁰.

Однако преуспевание Золотой Орды закончилось внезапной катастрофой. Э. С. Кульпин ищет объяснение этой катастрофы в закономерностях демографического цикла, в перенаселенности татар-

ских степей, в резком увеличении численности скота и в стравливании пастбищ, которое должно было привести к экологическому кризису⁸¹. Как отмечалось выше, экологическая ниша кочевого скотоводства не только очень узка, но и неустойчива: снежный буран, «джут», может привести к массовому падежу скота и страшному голоду — к ситуации, когда единственная возможность спастись заключается в набеге на соседнее племя. Но централизованное государство Узбека запретило не только кочевые усобицы, но и набеги на земледельцев — это ставило кочевников в безвыходное положение. Ал-Омари сообщает, что после двадцати лет правления Узбека, к 1338 году, кочевники обнищали до такой степени, что были вынуждены продавать в рабство своих детей⁸². Как известно, чума в первую очередь поражает регионы, в которых люди страдают от хронического недоедания. В 1346 году разразилась катастрофа: пришла Черная Смерть. «Бысть мор силен на Бесермены и на Татарове... — говорит русская летопись, — яко не бе кому их погребати»⁸³. Из-за чумы «в землях Узбековых... опустели города и деревни», — свидетельствует арабский автор⁸⁴. «Только в Крыму тогда погибло от чумы 85 тыс. человек, — писал М. Г. Сафаргалиев. — От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться»⁸⁵.

Таким образом, в 1346–1348 году в Золотой Орде разразилась полномасштабная катастрофа, завершающая демографический цикл. Но могущественная монархия, созданная Узбеком, выдержала этот первый удар. Второй удар был нанесен резким сокращением торговых доходов: в Китае началось всеобщее восстание против монголов, и торговля по Шелковому пути почти прекратилась⁸⁶. Сокращение торговых доходов означало оскудение ордынской знати, что должно было привести к конкуренции за ресурсы, к борьбе группировок и кланов — между собой и против монархии. Естественным лозунгом в этой борьбе было возвращение к кочевым традициям — в ксенократических государствах на смену периоду господства самодержавия всегда приходит время *традиционалистской реакции*.

Традиционалистская реакция уже наступила в Персии. В 1330-х годах в государстве Хулагуидов к власти пришли кочевые ханы, страна распалась на воюющие между собой ханства, и кочевники снова принялись грабить райатов. Эмиры и воины, получившие икта, считали их своей собственностью и не желали служить ханам; чтобы привлечь их на службу, пришлось обещать им полный судебный и налоговый иммунитет — так появился союргал. Появление союргала означало победу монгольских кочевых традиций над традициями персидской бюрократии — но также и победу *феодализации*, характер-

ной для следующего этапа халдуновского цикла (см. п. 1.9). Союргал был маленьким государством в государстве, он был порождением децентрализации и в свою очередь порождал еще большую децентрализацию — вплоть до полной анархии и распада государства⁸⁷.

В Золотой Орде в середине XIV века тоже появились союргалы — отчасти как результат подражания Персии, отчасти в результате развития феодализации на местной почве. Г. А. Федоров-Давыдов прямо пишет, что смуты и междоусобицы 1360-х годов были следствием распространения союргалов⁸⁸ — однако имелась и более общая подоплека событий. Процессы социального синтеза в обеих странах шли в одном направлении, и вслед за победой персидских традиций централизации должно было наступить время традиционалистской реакции — как в Персии, так и в Золотой Орде. Привыкшие к кочевой свободе нойоны и беки с трудом терпели самодержавие Узбека — и вскоре после его смерти начались мятежи на окраинах⁸⁹. Кочевая реакция видела пример в соседней Персии, находила поддержку в распространении союргала — но и сама по себе она была достаточно сильна. Именно стремлением степняков вернуться к своей племенной свободе, стремлением сбросить власть персидской бюрократии и объясняется столь внезапный крах двух могущественных империй — государства Хулагуидов и Золотой Орды.

В 1359 году в Орде был убит заговорщиками хан Бердибек, и после этого за 20 лет там сменилось 25 ханов. Они сменяли друг друга с такой быстротой, что летописцы не успевали записывать их имена⁹⁰. Ордынская элита распалась на группировки, вступившие в борьбу за свои интересы. Вскоре начались отпадения отдельных улусов, в Булгарии, в Среднем Поволжье появились свои князья, Причерноморье и Крым оказались во власти темника Мамаю. Литовский князь Ольгерд сразу же воспользовался распадом Орды, разгромил татар при Синих Водах и освободил значительную часть южных русских земель. Воспользовавшись войной кочевых группировок, русские князья прекратили платить дань Орде — по существу, они были одной из группировок ордынской знати, воевавшей с Мамаем и сохранявшей союз с кланом чингизида Тохтамыша. Мамай был сторонником кочевого традиционализма, он собирался прогнать русских князей и раздать русские города своим эмирам — но в 1380 году он был разбит Дмитрием Донским на Куликовом поле. Целью Тохтамыша было возрождение монархии Узбека — то есть подчинение всех группировок и кланов; уничтожив Мамаю, он нанес удар Москве и добился ее покорности. Однако в борьбу вмешался могущественный правитель Средней Азии Тимур; в 1395 году он разгромил Тохтамыша и разрушил

почти все золотоордынские города. Это была катастрофа, от которой Золотая Орда уже не оправилась, ее дальнейшая история была историей агонии и распада — к 1430-м годам на месте некогда могущественной империи существовало несколько враждебных друг другу ханств.

Таково общее видение истории Золотой Орды как единого государства; теперь нам нужно обратиться к истории северных улусов этого государства, русских княжеств.

4.4. ПОКОРЕНИЕ РУСИ

Нам придется возвратиться на полтора столетия назад, к временам татарского нашествия. Очевидно, что малочисленные дружины русских князей ни при каких условиях не могли противостоять вторжению завоевателей, обладавших новым оружием. Русь была завоевана монголами, которые прошли по стране подобно смерчу. Первый же удар, нанесенный в 1236–1241 годах, заставил русский князей подчиниться монгольскому хану и согласиться на уплату дани. В 1241–1252 годах князья не менее 19 раз ездили на поклон в Орду получать ярлыки на правление. Но традиции прошлого были еще живы и распри князей продолжались; после смерти Ярослава Всеволодовича вспыхнул конфликт между его сыновьями Андреем и Александром; Александр Невский поехал к хану и привел татар, которые сожгли Суздаль и Переяславль и посадили Александра Великим князем владимирским «на своей воле»⁹¹.

При Александре Невском началось введение на Руси монгольской административно-налоговой системы. Проведение переписи встретило ожесточенное сопротивление населения русских городов — ведь до этого горожане были привилегированным сословием, не платившим налоги. В Новгороде начались волнения, и Александру пришлось применить силу, чтобы усмирить недовольных. Однако откупная система сбора налогов вызвала новый взрыв недовольства; откупщики «великую пагубу людям творили»: тем, кто не мог платить, они давали деньги в рост, а недоимщиков уводили в рабство. В 1262 году в Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле вспыхнули восстания; горожане собрались на вече и изгнали откупщиков из городов. Александр Невский поспешил в ставку хана, рассказал о произволе откупщиков и вымолил пощаду восставшим⁹². Вскоре после этих событий, под 1266 годом, Троицкая летопись отметила, что притеснения со стороны татар сильно облегчились⁹³. По-видимому, откупная система была упразднена и налоги стали собирать баскаческие «данышки»⁹⁴.

А. Е. Пресняков полагал, что начиная с Александра Невского видна «активная роль княжеской власти в удовлетворении татарских требований и постепенное вытеснение прямых агентов хана», причем владимирские князья поддерживают авторитет своей власти «не столько личной энергией и личным влиянием, но и страхом татарской кары и прямой опорой в татарской силе»⁹⁵. В этом союзе князей с татарами можно видеть слияние двух автократических тенденций; попытку князей опереться на хана в своей старой борьбе с боярами. Ростовские князья превратились в простых «служебников» хана; они с готовностью принимали участие в походах татар на литву, на ясов, на дунайских болгар⁹⁶.

В 1273–1275 годах была проведено второе «перечисление», которое оказалось последним; после этого переписи больше не проводились⁹⁷. После смерти Василия Ярославовича в 1277 году началась новая распря между князьями-наследниками; сын Невского Андрей три раза приводил на Русь татар, но всякий раз был изгнан своим братом Дмитрием, который — как в киевские времена — обращался за помощью к шведам. Смута закончилась новым татарским погромом: в 1293 году хан Тохта послал «Дюденеву рать», которая сожгла 14 городов и окончательно утвердила Андрея на великокняжеском престоле⁹⁸.

После Смуты взаимоотношения Руси и Орды претерпели существенные перемены. В начале XIV века баскаки исчезли со страниц русских летописей; по-видимому, они были отозваны в Орду; князья стали самостоятельно собирать налоги и отправлять их хану: это был переход к распространившейся в то время в Персии и в Орде системе икта. Администрация княжеств теперь состояла в основном из русских, созданные баскаками канцелярии подчинялись наместникам и князьям. Писцы по-прежнему проводили земельные описания (в частности, известно о земельной переписи при Дмитрие Донском⁹⁹). Даньщики собирали налоги по старым нормам по полугривне с сохи, но отправляли в Орду «выход» по «давним сверткам», вероятно, по данным 1275 года¹⁰⁰. С ростом населения сборы росли, а размеры «выхода» оставались постоянными, таким образом, большая часть дани оставалась в казне князя.

Многие русские князья в конечном счете признали себя «улусниками» и «служебниками» ордынских ханов. Известны случаи, когда князья выступали вместе с татарами против восставших городов. В 1289 году в Ростове народ, собравшись на вече, пытался изгнать князя вместе с татарами. Около этого времени жители Ярославля отказались принять своего князя Федора Ростиславовича — в ответ

Федор призвал татар и взял город штурмом¹⁰¹. Символом городской свободы было вече; восстания против завоевателей и князей начались с набата вечевого колокола — но восстания были подавлены, и вече пришел конец. Окончательное подчинение Руси монголами означало *конец древней традиции городского самоуправления* — это был переломный момент русской истории. Города Киевской Руси происходили от крепостей, которые когда-то построили завоеватели-варяги; жители городов были в значительной части потомками варяг, они не платили налогов и господствовали над населенной «смердами» деревней. Теперь большинство городов Северо-Восточной Руси было сравнено с землей, а те, что уцелели, были лишены самоуправления, и их жители были обложены налогами¹⁰².

Археологические данные также свидетельствуют об упадке и резком численном сокращении прежней городской элиты. Почти исчезают находки различных престижных украшений, стеклянных браслетов и изделий из перегородчатой эмали: киевские ювелирные мастерские были разрушены и уже не возродились. Резко уменьшается количество привозных вещей, окончательно уходит в прошлое традиция курганных погребений. Судя по исчезновению амфор, на Руси больше не употребляли греческое вино. Даже парадная одежда митрополитов теперь была без золотого шитья и эмалированных вставок — и лишь при митрополите Алексее (1348–1378) иногда использовались одеяния, чудом сохранившиеся с домонгольского времени¹⁰³.

Нашествие повлекло за собой исчезновение многих заимствованных из Византии ремесел. Прекратилось производство оконного стекла и стеклянной посуды, изготовление поливных керамических плиток. На Северо-Востоке Руси каменное строительство возобновилось только в 1320-х годах, при этом вместо кирпича использовался камень-плитняк, а само слово «плинфа», обозначавшее ранее кирпич, трансформировалось в «плита»¹⁰⁴. В Новгороде по-прежнему применяли кирпич, но теперь это была не тонкая плинфа, а брусковый кирпич немецкого образца; этот кирпич был неровный и перемешивался в постройках с камнем, так что стены часто рушились¹⁰⁵.

С приходом монголов на смену городскому самоуправлению Киевской Руси пришло самодержавие ханов и строгая бюрократическая централизация, характерная для восточных государств. Князья были включены в административную иерархию; они исполняли функции наместников и находились в полной зависимости от ханов, получали в Орде ярлыки на княжение и по ханскому произволу могли быть лишены своих княжеств. Как показывают события 1280-х годов, князья не сразу примирились с этой ролью, однако они не выступали про-

тив Орды, но пользовались ослаблением ханской власти лишь для того, чтобы возобновить свои усобицы. Нашествие 1293 года сыграло роль «батога божьего, вразумляющего грешников»¹⁰⁶, — после этого князья покорились и на проходивших под председательством ханского посла съездах смиренно «читали грамоты царевы, ярлыки»¹⁰⁷. С этого времени начинается соперничество князей за приобретение ханской милости. Ростовские князья долго жили в Орде, женились там, и, по выражению А. Н. Насонова, «в значительной мере отатарились»¹⁰⁸. Сыновья князей многие годы пребывали в ханской ставке в качестве заложников; они постепенно привыкали к татарским обычаям¹⁰⁹. В этот период в русских летописях начинает проявляться лояльное отношение к татарам, летописцы с удовлетворением говорят о почестях, которые оказывали князьям в Орде¹¹⁰. Прежняя враждебность к завоевателям смягчается и уступает место тенденции к примирению.

Тенденция к примирению в значительной мере определялась той позицией, которую занимала в этом вопросе православная церковь. Монголы проявляли уважение к священнослужителям всех религий и даровали им привилегии — в том числе и освобождение от дани. Эта политика до какой-то степени сблизила церковь с завоевателями — ведь русские князья не всегда мирились с привилегиями церкви и в периоды ослабления ханской власти, случалось, требовали у нее деньги. Известны, в частности, ханские ярлыки русским митрополитам, в которых они предостерегают князей от покушений такого рода¹¹¹. Обстановка борьбы с католицизмом также побуждала русскую церковь к сотрудничеству с монголами — немецкое и литовское наступление на западе грозило православиям большой опасностью. В 1261 году в столице Орды, Сарая, была основана православная епископия; сарайские епископы пользовались определенным влиянием в ставке хана и помогали русским князьям вести их дела в Орде. Золотая Орда считала русских князей своими улусниками и оказывала поддержку Руси в ее борьбе с Литвой и Орденом. Эта борьба была вместе с тем борьбой православия с католицизмом. В 1324 году хан Узбек организовал поход русских князей против Литвы; в 1340 году Узбек помог русским князьям в их борьбе против польского короля Казимира — и Казимир был вынужден признать свободу православного богослужения¹¹². Сообщая о смерти сына Узбека, Джанибека, летопись говорит, что тот был «добр зело к христианству, многу лготу сотвори земле Русской»¹¹³.

В конечном счете Русь адаптировалась к существованию в составе Золотой Орды. Московские князья продолжили политику Алексан-

дра Невского, политику которая с одной стороны, означала добровольное подчинение превосходящей силе, а с другой стороны – постепенное восстановление городов и сел. А. А. Горский доказывает, что вплоть до времени Ивана III (когда Золотая Орда уже распалась) Москва не стремилась к освобождению от власти хана, что в битве на Куликовом поле Дмитрий Донской сражался с узурпатором Мамаем, а после победы признал власть законного «царя» Тохтамыш¹¹⁴. Как известно, власть татар на Руси была впервые названа «игом» польским хронистом Я. Длогушем в 1479 году¹¹⁵, а на Руси этот термин не использовался до XVI века¹¹⁶. В XVI веке, по-видимому, в результате долгой борьбы с крымскими татарами произошли существенные перемены в восприятии событий прошлого. Именно в это время была произведена вставка в летописи эпитетов, осуждающих татар, – например, в «Житии Михаила Черниговского» царь Батый стал изображаться «безбожным», «скверным» и «нечестивым». Ничего такого не писали – или, может быть, не осмеливались писать – ранние летописцы¹¹⁷.

4.5. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ

Основным содержанием периода после завоевания Руси монголами был социальный синтез местных традиций и привнесенных традиций завоевателей. Как обычно, в процессе синтеза в первую очередь перенимались те фундаментальные инновации, которые обусловили военное превосходство завоевателей. Летописи свидетельствуют, что попытки перенимания монгольского вооружения начались на Руси уже вскоре после нашествия. Когда в 1248 году галицкий князь Даниил Романович прибыл на помощь венгерскому королю, то немецкие послы были удивлены татарским вооружением княжеской дружины. «Немцы же дивящися оружию татарскому беша бо кони в личинах и коярах кожаных и людье в ярыщех...» – говорит Ипатьевская летопись¹¹⁸. Известно, что князь Даниил привлекал в основанный им город Холм ремесленников, бежавших из татарского плена, и среди этих ремесленников были мастера по изготовлению луков и кузнецы¹¹⁹. Процесс распространения нового оружия археологически прослеживается как ареал находок луков и стрел монгольского типа – эти находки служат главными маркерами нового культурного круга. Наконечники стрел монгольского типа в больших количествах найдены в курганах кочевников в Поволжье, на Днепре, на Кубани, а также в развалинах осаждавшихся монголами русских

и литовских городов. При этом важно, что монгольские наконецники, относящиеся к XIII–XIV векам, были найдены и там, где монголы не воевали — в Смоленске, Новгороде, Пскове¹²⁰. «Сравнение составных частей сложных русских луков с составными частями, подробно перечисленными в арабском трактате XV века, — отмечал А. Ф. Медведев, — как и памятники изобразительного искусства, свидетельствует, что и арабские, и русские, и турецкие луки средневековья изготовлялись по совершенно аналогичному принципу, имели в своем составе сходные детали из сходных материалов и даже по внешнему виду и размерам были похожи друг на друга»¹²¹.

О заимствовании монгольского оружия говорит и перенимание соответствующей терминологии. Прежде всего, перенималась терминология, связанная с луком. Славянское слово «тул» было вытеснено монгольским словом «колчан». Лук в комплекте с колчаном и налучьем стал называться «сагайдаком» или «саадаком», чехол для колчана — «тохтуем». Большие стрелы (характерные для монголов) назывались на Руси «джид», другая разновидность стрел — «томары». Легкий стеганый доспех лучников на Руси назывался «тигилай» (от монгольского «дегель»), тяжелый пластинчатый доспех — «куяк» («хуяг»), усиленная кольчуга — «бехтерец» («бехтер»)¹²². Археологические данные свидетельствуют, что с середины XIII века в вооружении русских воинов традиционная кольчуга («броня») постепенно уступает место пластинчатому «доспеху» монгольского типа; слово «броня» понемногу выходит из употребления¹²³. В последнее время появились данные о монгольском происхождении бердышей (ставших позднее оружием русских стрельцов)¹²⁴.

В XIV–XVI веках производившие монгольское оружие персидские ремесленники славились по всему Востоку, а также и на Руси. Франческо Тьеполо писал, что во времена Ивана Грозного русская знать носила персидские доспехи из «тонких и хорошо закаленных металлических пластинок»¹²⁵. Со временем первоначальные монгольские названия разных видов оружия заменялись персидскими или арабскими. Так, широко распространившиеся монгольские доспехи типа «зеркала» были известны на Руси, в Индии и других странах как «юшманы» (от персидского «джавшан», «зеркало»). Слова «кибить», «кайдалики» (стрелы), «кистень», «кинжал», «калантарь» имеют персидские или арабское происхождение¹²⁶.

Вооружение русских всадников следовало восточным образцам вплоть до начала XVII века. Сохранилось, например, относящееся к 1577 году описание вооружения трехсот коломенских дворян. В то время уже появилось огнестрельное оружие — но у коломенских

всадников еще не было ни ружей, ни пистолетов. Зато практически все они имели «саадаки» и сабли, больше половины имели защитное вооружение — «пансыри», «тигиляи», «юшманы», но никто не имел щитов — поскольку щит мешал пользоваться луком. Лучшими саблями считались дамасские, однако они были очень дороги и большинство воинов было вооружено «московскими» саблями — впрочем, некоторые из них ковались «на черкасское дело»¹²⁷.

Вслед за вооружением заимствовались военная организация и тактика. В. В. Бартольд писал, что военное устройство тюрок XV века было «наследием империи Чинхисхана»; в определенной степени это можно сказать и о Руси¹²⁸. Характерной чертой десятичной организации было наличие у каждого командира знамени и сигнального барабана; русские слова «хоругвь» и «тулумбас» (седельный барабан) имеют монгольское происхождение. Большой барабан, «набат» (арабск. «неубэт») считался принадлежностью воеводского звания¹²⁹. Как у монголов (и у тюрок), русское войско иногда называлось «кошун» и делилось на пять частей, по крайней мере две из которых именовались так же, как у кочевников («правая рука» и «левая рука»); позже появилось дополнительное тыловое охранение, «ертоул»¹³⁰.

Г. В. Вернадский и Д. Островский доказывают, что двор великого князя был организован по образцу ханской ставки: к примеру, дворский выполнял функции ханского визиря, а окольный — функции букаула (в ведение которого входило снабжение войск и военный суд)¹³¹. Р. Г. Ланда полагает, что слово «окольный» происходит от тюркского «онг коль» («правая рука»), так называли командующего правым крылом войска; командира левого крыла называли «сон коль» («левая рука»), отсюда происходит звание «сокольничего»¹³². К числу заимствованных у татар должностей, возможно, относится также должность чашника — несмотря на свое название («чашнигир», «берущий пробу»), это была одна из высших должностей; случалось, что чашники вместе с князем подписывали жалованные грамоты¹³³.

Сигизмунд Герберштейн, описывая тактику русских, отмечал, что «они удачнее сражаются в дальнем бою, чем в ближнем, а поэтому стараются обойти врага и напасть на него с тыла»; он упоминал о коротких стременах русских всадников, об их ловкости в стрельбе из лука и о том, что саблями они пользуются весьма редко¹³⁴. Гваньини свидетельствует, что русские — это стрелки из лука, поэтому у них очень сильные руки, но они не умеют биться врукопашную¹³⁵. Ричард Ченслер также писал, что все русские всадники — это стрелки из лука, что их луки подобны турецким и что они избегают ближнего боя¹³⁶. Об этом же свидетельствует Джером Турбервилль: «Когда русского

преследует жестокий враг, он ускачет прочь и, неожиданно повернувшись, поражает его из лука»¹³⁷.

Наиболее ярким примером заимствования русскими военной системы татар было принятие на службу царевича Касима с его ордой: в этом случае заимствовалось не только оружие и тактика, но и само войско. Это татарское войско впоследствии сыграло важную роль в битве на реке Шелонь, и, как отмечает Н. С. Борисов, «татарская выучка очень пригодилась москвичам»: они одержали победу над десятикратно превосходящим по численности противником¹³⁸. Татарские «огланы» входили и в состав польско-литовских войск — они дали начало знаменитым польским (а потом и русским) «уланам»¹³⁹.

Стрелковая тактика и лук стали настолько важным элементом русского военного дела, что саадак был включен в число государственных регалий — то есть стал символом Московского царства. Венчаясь на царство, Михаил Федорович принимал не только Мономахову шапку и державу, но и саадачный набор¹⁴⁰.

Следует отметить, что стрелковая тактика не получила распространения к западу от рубежей Руси. Литовцы высоко ценили русских стрелков из лука, переняли у них термин «саадак», и после присоединения Белоруссии включали их в свои войска, но, по-видимому, так и не завели собственных подразделений лучников (их «уланы» были конными копейщиками)¹⁴¹. Военная техника Запада пошла по пути, рекомендованном в свое время Плано Карпини: чтобы противостоять лучникам, рыцари одели двойную броню и стали использовать конский доспех. Тяжелые рыцарские доспехи и закрытые шлемы не применялись на Руси, потому что они не позволяли всаднику использовать лук¹⁴². Таким образом, западная граница Руси превратилась в линию противостояния двух культурных кругов, и каждый из этих кругов имел свой тип оружия. А. В. Чернецов отмечает, что это противостояние очень ясно осознавалось на бытовом уровне и проявлялось, в частности, в том, что на русских миниатюрах XV–XVI веков воины-татары и русские были практически неотличимы, они имели одинаковое вооружение. Напротив, немецкие, польские, литовские воины изображались иначе, в других шлемах и в других доспехах¹⁴³. В противостоянии Востока и Запада Русь выступала на стороне Востока; к примеру, в сказании о битве при Ворксле Витовт рисуется не как союзник Руси в борьбе с Ордой, но как злейший враг, а победа мусульман над христианами объясняется не «попущением», а прямой помощью (христианского!) Бога¹⁴⁴.

Вслед за заимствованием военной технологии заимствовалась, а точнее, принудительно насаждалась управленческая технология

завоевателей. Система монгольского управления на Руси, в общем, была такой же, как и в других областях Империи. Киевщина и Черниговщина были взяты в прямое управление, а северо-восточные княжества отдавались в улус местным князьям. Князья ездили на поклон к хану и получали ярлык — грамоту на управление улусом; этот ярлык мог быть в любое время отнят и передан другому князю¹⁴⁵. В 1257 году Великий хан Монкэ назначил верховным даругачи Руси сына своего зятя по имени Китат (т. е. «китаец») с задачей провести перепись и организовать сбор налогов — вполне естественно, что китайскую налоговую систему на Руси устанавливали специалисты, присланные из Китая¹⁴⁶. В ходе проведения переписи, «численники» разделили податное население на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тѣмы» (десятки тысяч) — то есть ввели китайскую систему объединенных групповой поручкой «десятидворок» и «стодворок»¹⁴⁷. «Приехалше численници, исцетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятники и сотни и тысячники и темники», — говорится в летописи¹⁴⁸. Слово «темник» происходит от монгольского «тумен», десять тысяч¹⁴⁹. В прежнее время сотни и тысячники были командирами городских ополчений, но монголо-китайская система имела совсем другое, фискальное назначение и распространялась не только на город, но и на село. Документы более поздних времен действительно упоминают о десятниках и сотниках на селе, это были деревенские старосты и главы волостного «мира», ответственные за сбор налогов¹⁵⁰. Таким образом, завоеватели создали на Руси административную систему китайского образца; эта система состояла из чиновников разных уровней по большей части русских, однако высшие должности занимали татары: летопись прямо говорит, что Батый посажал татар властелями по всем городам русским¹⁵¹.

Поставленных завоевателями чиновников-даругачи (в русском произношении «дорога») в летописях чаще называют баскаками; «баскак» — это тюркский перевод китайско-монгольского термина «даругачи»; оба слова происходят от корня «давить» — в смысле «прикладывать печать»¹⁵². Термин «дорога» использовался сравнительно редко; по смысловому соответствию «дорога» — «путь» чиновники-«дороги» позднее превратились в «путников» и «путных бояр»; канцелярии (позднейшие «приказы») также называли «путями»¹⁵³. Баскаки и дороги имели свой штат «даныщиков», «битекачи» и «таможников» (сборщиков рыночной пошлины, «тамги»). В терминологии и обычаях созданных баскаками канцелярий сохранились следы китайского влияния, например, «битекачи» («бакшии») — это тюркское «битикчи», «писец», которое происходит от китайского

«би-чже», «секретарь»¹⁵⁴. К XIV веку поставленная татарами администрация стала привычной на Руси, и когда русские в 1377 году овладели Булгаром, они в свою очередь, поставили там своего «дорогу» и «таможенника»¹⁵⁵.

Имеются и другие свидетельства, касающиеся заимствования в Золотой Орде и на Руси китайской административной практики. Например, китайским заимствованием является обычай коленопреклонения при подаче прошений: русское выражение «бить челом» является буквальным переводом китайского «коу тоу»¹⁵⁶. Китайское происхождение имеет тюркское слово «кюйнинг» (превратившееся в русское «книга»); оно буквально означает «свиток, сверток»; дело в том, что и в Китае, и в Улусе Джучи, и на Руси писали по восточному обычаю на свитках. Слитки серебра, «саумы», имевшие хождение в Орде, и равные по весу рублю, имели традиционную форму ладьеобразного китайского слитка, «дин». Татарские (и русские) счета тоже были заимствованы из Китая — это приспособление называется в Китае «суан-пан». Любопытно, что в Европу счета попали из России уже в XIX веке — их привез с собой возвратившийся из русского плена наполеоновский офицер (и известный математик) Ж. Понселе¹⁵⁷.

Впрочем, в формировании административной системы принимали участие и мусульманские чиновники, арабы и персы, составлявшие при Узбеке костяк ордынской бюрократии. Мусульманские чиновники принесли с собой порядки Халифата, восходящие к древним бюрократическим традициям Персии. Термины «печать», «бумага», «киличей» (посол), «лафа» (жалованье) имеют арабское или персидское происхождение¹⁵⁸. Часть дани, платимую хану, на Руси называли «выход», по-арабски, «харадж»¹⁵⁹; как известно, «харадж» был основным налогом времен Халифата. Так же, как в Персии, основным правительственным учреждением на Руси была Казна («хазине»); в Казне хранились налоговые росписи, которые и в России, и в Персии называли «дефтери»¹⁶⁰. «Языком московской бюрократии был некий мета-тюркский язык — утверждает Ч. Гальперин, — сверхбуквальная калька тюрко-татарских формул и форм — который часто просто лингвистически бессмыслен без рекурсии к татарскому оригиналу»¹⁶¹. Характерно, что одним из первых упомянутых в русских летописях казначеев был знавший арабскую грамоту татарин Остафий Аракчеев; среди дьяков того времени было много крещеных татар¹⁶².

Как отмечалось выше, в киевские времена дань собирали с «дыма» или с «сохи», но, по существу, переписи дворов и сох не производились, и обложение никак не соотносилось с реальными возможно-

стями общин. При монголах был налажен учет, и «соха» превратилась в окладную единицу: в XIII веке в нее входили «два мужа работника» и две—три лошади, а в XV веке—три работника и три лошади¹⁶³. С ремесленников и торговцев тоже брали дань, к примеру, кузница и лавка шли за одну «соху», а ладья—за две «сохи»¹⁶⁴. Таким образом, налог исчислялся пропорционально имущественному достатку. Помимо дани, существовала «тамга», такой же, как в Китае, рыночный сбор в 3% с цены товара; торговцы платили также подорожные сборы, «костку» и «мыт»¹⁶⁵. Среди повинностей летописи упоминают «ям» и «подводу»—обязанность поставлять ямщиков, лошадей и подводы для организованных монголами почтовых станций¹⁶⁶. Кроме того, монголы ввели всеобщую воинскую повинность; время от времени баскаки проводили принудительный набор рекрутов. Почтовая и воинская повинности также копировали китайские образцы.

Заимствования коснулись не только военной сферы, многие заимствованные тюркские слова относятся к сфере торговли, ремесел и быта: базар, товар, таможня, алтын, безмен, амбар, аршин, булат, кирпич, фитиль, телега, ковер, тюфяк, утюг, карандаш, колбаса—и можно привести много других примеров¹⁶⁷. Заимствовалась и одежда, восточные «кафтаны», «халаты», «дохи», «шубы», «тулупы», «сарафаны», «армяки», «башлыки»—Сигизмунд Герберштейн отмечал, что русская одежда очень похожа на татарскую, только застегивается с другой стороны¹⁶⁸. Была перенята и обувь на высоких каблуках, удобная для всадников, использующим стремена¹⁶⁹. Русская знать заимствовала у татар не только одежду и обувь, но и менталитет прирожденных всадников: западные путешественники, приезжавшие на Русь в XVI веке, свидетельствуют о том, что русские дворяне считали ниже своего достоинства ходить пешком¹⁷⁰.

Заимствования с Востока сказались и на развитии русских ремесел. С XIII века получили распространение большие «булгарские» горны для обжига керамических сосудов и краснолощенная керамика булгарского типа¹⁷¹. В XIV—XV веках на Руси появилась соха с полицей¹⁷²—пахотное орудие, о китайском происхождении которого говорилось выше. К числу китайских заимствований относятся и медные монеты с принудительным курсом—они пришли на Русь через посредство Золотой Орды¹⁷³. В Золотой Орде были стандартные меры веса и длины; известно, что такого рода стандартизация впервые появилась в Китае, и Ю. Г. Кроль обращает внимание на близость китайской меры длины «жень» и русской «маховой сажени» (и то и другое—это расстояние между концами рук, раскинутых по вертикали, соответственно, совпадают и абсолютные величины этих мер)¹⁷⁴. Первые

сведения о мельницах на Руси относятся к 1260-м годам, и мы находим их не в летописях, а в ярлыке хана Менгу-Темира¹⁷⁵ (любопытно, что в Новгороде, не воспринимавшем татарских заимствований, по-видимому, не знали мельниц¹⁷⁶). Русские научились у кочевников искусной выделке кожи — производству юфти; русские ткачи полотна называли «хамовниками», потому что пытались выделывать индийскую ткань «хаман»¹⁷⁷. Первые геометрические знания пришли на Русь вместе с «Метафизикой» ал-Газали; первая русская географическая карта была также исполнена в арабских традициях — север на ней был внизу, а юг — сверху. Из литературных заимствований можно отметить «Повесть о снах царя Шахнаиши» и «Повесть о Еруслане Лазаревиче» — оба этих произведения обнаруживают несомненную связь с персидской литературой¹⁷⁸. В. В. Стасов писал, что «наш Еруслан Лазаревич есть не кто иной, как знаменитый Рустем персидской поэмы Шах-наме»¹⁷⁹.

Восточная культура оказала огромное влияние на становление русского общества — и в этом нет ничего удивительного, это была культура великих и древних цивилизаций.

4.6. ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Нашествие обладавших новым орудием завоевателей означало демографическую катастрофу. Разрушения были огромны; большинство городов обратилось в развалины, исчезли многие ремесла, почти сто лет на северо-востоке Руси не строили каменных зданий¹⁸⁰. Было уничтожено примерно три четверти замков, крепостей, волостных центров; на Юге обезлюдели целые земли, Киевская, Переяславская, Черниговская; некоторые области оставались пустынными не одну сотню лет¹⁸¹. Даже леса не всегда были надежной защитой от завоевателей, монголы охотились за укрывавшимися в лесной глухомани; многие из беглецов погибали от голода, зимних морозов, эпидемий. «Кровь отцов и братьев наших, будто вода в избылии насытила землю... — писал епископ Серапион. — Множество братий и чад наших в плен увели, многие города опустели, поля наши сорной травой поросли...»¹⁸². «Села от того нечестивого батыева пленения запустели и нане лесом заросша», — свидетельствует «Житие Михаила Черниговского»¹⁸³. «От многих лет запустения великим лесом поросша и многим зверем обиталище бывша курская земля», — говорит «Повесть о граде Курске»¹⁸⁴.

Славянские земледельцы, освоившие в предыдущие столетия обширные пространства лесостепей, вновь, как во времена прошлых

нашествий, оказались отброшенными в северные леса. Однако и в лесной полосе население резко уменьшилось. Земли, расчищенные от лесов трудом многих поколений, снова зарастали кустарником; немногие уцелевшие сельчане вернулись к подсеке и к перелогу, к системам земледелия, господствовавшим во времена Рюрика.

С наступлением «великой тишины» при хане Узбеке начался период восстановления экономики. Москва первой установила хорошие отношения с татарами, и московское княжество не подвергалось набегам с конца XIII века — поэтому именно на московские земли устремился поток переселенцев, уходивших из разоренных областей, в особенности, с опустошенного Юга¹⁸⁵. Во время нашествия число известных археологам сельских поселений уменьшилось втрое, со 129 до 43. Восстановление происходило поначалу медленно, археологам известно лишь 20 поселений, возникших во второй половине XIII века; в отличие от прежних больших сел это были маленькие деревни, прятавшиеся в глубине лесов. В XIV веке ситуация резко изменилась — было основано 185 новых поселений, и их общее число увеличилось в четыре раза (!), оно намного превысило количество поселений, существовавших до нашествия¹⁸⁶. В отличие от XIII века среди новых поселений были села, не уступавшие по размерам селениям домонгольских времен; в районе Углича большие слободы тянулись вдоль берега Волги на 9–10 километров¹⁸⁷. Специалисты отмечают, что причиной этих впечатляющих перемен явился «колоссальный приток людских ресурсов» из других областей; этот приток был вызван «надеждой на личное благополучие и безопасность», гарантированные политикой московских князей¹⁸⁸.

Частью процесса восстановления являлся так называемый процесс «монастырской колонизации». Как известно, монголы освобождали монастыри от дани, и пользуясь этим, братья-монахи основывали новые монастыри и привлекали на свои земли крестьян. В XIV столетии эта колонизация приобрела масштабный характер: было основано более 200 монастырей, больше, чем за всю предыдущую историю¹⁸⁹. В 1337 году был основан знаменитый Троицкий монастырь; в конце столетия здесь проживало 700 монахов — столько же, сколько жителей было в Ростове, столице соседнего княжества. Рядом с монастырями создавались большие слободы, а дальше на окрестной территории располагались многочисленные деревни. Работы историков дают впечатляющее описание процесса монастырской колонизации, результатом которого было рождение «святой Руси» — страны церквей и монастырей. Иностранцы, посещавшие Россию в XVI веке, удивлялись огромному количеству храмов и монастырских обителей;

в те времена церкви принадлежала примерно третья часть всех земельных владений¹⁹⁰.

В начале XIV века на Руси преобладали «особножительские» монастыри. В таких обителях каждый монах вел «особную» жизнь, держал деньги и личное имущество в своей келье, питался от своего достатка. Это противоречило христовым заповедям, ведь в первые времена христианства монахи не имели нечего своего и жили общинами, которые по-гречески назывались «киновий», а по-латыни — «коммуна». В середине XIV века константинопольский патриарх Филофей направил известному своим подвижничеством старцу Сергию Радонежскому послание, в котором просил его восстановить на Руси монашеский «киновий». Сергию удалось обратить монахов на путь истинный, и с этих пор большинство монастырей в Северо-Восточной Руси стали общинами-коммунами¹⁹¹.

Поселения, освобожденные от налогов, назывались «свободами», «слободами» или «слободками». Крестьяне по большей части селились не рядом с монастырем, а поодаль, производили заимки, вырубали лес и «драли» целину сохами — поэтому крестьянские заимки назывались «деревнями»¹⁹². На Руси того времени преобладали маленькие однодворные деревни, после смерти основателя деревни сыновья становились ее совладельцами и долгое время продолжали вести единое хозяйство¹⁹³. Это единое деревенское хозяйство, большая семья, и было принято писцами за единицу налогового обложения, «соху»¹⁹⁴. После монгольского нашествия Русь опустела, поля заросли лесами, и крестьянам приходилось начинать все сначала — в те времена преобладала подсечная система земледелия. Урожай на подсеке обычно составлял сам-10–12 — втрое выше, чем на пашне (но бывало и сам-30). Земли было много, кормов для скота — достаточно; обычное хозяйство имело две — три лошади, две — три коровы, несколько овец¹⁹⁵. Время колонизации всегда было временем, благоприятным для крестьянина: рабочая сила ценилась дорого, землевладельцы переманивали крестьян, предлагая им большие льготы. Во времена Киевской Руси постоянные междоусобицы были главным бедствием, от которого страдали сельские жители — вторгшиеся из соседнего княжества дружины охотились за «полоном»; пленников массами обращали в рабов. Теперь, после установления «великой тишины», сельское население могло жить спокойно, не опасаясь за свою жизнь. Рабов становится меньше, и в частности, монастыри уже не использовали рабский труд¹⁹⁶. Свободные поселяне пользовались определенными правами, их уже не называли «смердами», как в прежние времена, — теперь они были «христиане», «крестья-

не». Крестьяне свободно распоряжались своей землей, передавали ее по наследству, но продажа земли вотчинникам дозволялась лишь с особого разрешения князя и общины. В волости существовало свое общинное самоуправление; крестьянская сходка выбирала старосту, «сотского», «десятских», распределяла налоги и решала главные вопросы крестьянской жизни. По решению «всех христиан», староста мог сдать общинную землю в аренду, причем арендную плату он клал «всей братии на столец». Представители крестьянской общины, «волостные мужи» и «люди добрые», участвовали в суде вместе с княжеским волостелем¹⁹⁷. Сохранились известия о традиционных крестьянских пирах, «братчинах», на которые собиралась едва ли не вся волость; на этих пирах мирили поссорившихся и разрешали тяжбы; по свидетельству Псковской Судной грамоты «братчина судит как судьи»¹⁹⁸. Изобилие земли и зерна, низкие налоги, мир и покой, общинное самоуправление, пиры-«братчины» — такова была жизнь крестьян в XIV веке. Может быть, это было лучшее для крестьян время за всю историю России — «золотой век» русского крестьянства. От этого времени не сохранилось известий о крестьянских выступлениях или о борьбе за землю¹⁹⁹. Свидетельством крестьянского благополучия являются сравнительно редкие упоминания голодных лет: за полвека с 1310 по 1360 год лишь один раз (в 1332 году) упоминается сильная дороговизна²⁰⁰. Для сравнения можно отметить, что в 1210–1230 годах девять из двадцати лет были годами голода²⁰¹.

Источники не сохранили данных, которые бы позволили количественно описать уровень потребления крестьян в XIV веке. Ближайшие по времени массовые данные относятся к Новгородской земле конца XV века; они позволяют с некоторой долей вероятности представить, как могли жить крестьяне в условиях изобилия свободных земель. По расчетам А. В. Шапиро, в Водской пятине чистый сбор зерна на хозяйство составлял 171 пуд. При средней численности двора в 6 душ на душу приходилось 28,5 пудов зерна, в то время как для пропитания считается достаточным 15 пудов. Кроме того, имелся доход от животноводства, технических культур, леса, оцениваемый (в пересчете на рожь) в 42,7 пуда, то есть примерно в 7 пудов зерна на душу²⁰².

Правда, нужно учесть, что крестьяне (за исключением живших в слободах) платили дань. Поначалу дань называли десятиной, и, возможно, она составляла десятую часть доходов. Однако в дальнейшем дань превратилась в фиксированный налог с «сохи»; в конце XIII века «соха» — это был большой двор, в который входили «два мужа работника» и две — три лошади. Позже, во времена Ивана III,

на новгородчине «соха» составляла три «обжи» по одному работнику с лошастью, то есть три малых однолошадных двора. А. В. Шапиро полагает, что в XIV–XV веках одновременно с переходом от подсеки к трехполью происходил распад больших семей — и действительно, подавляющее большинство хозяйств на Новгородчине к концу XV столетия были малыми и однолошадными²⁰³. Подобный процесс происходил ранее в Киевской Руси, но катастрофа XIII столетия вернула Русь к подсеке и большим семьям — теперь все началось с начала.

Таким образом, можно считать, что «соха» состояла из трех дворов, подобным дворам Водской пятины (где средний двор был равен «обже»). Общий доход с «сохи» в этой пятине составлял 64 пуд или 85 коробей зерна. Какую часть дохода отнимала дань? У В. Н. Татищева сохранилось известие о том, что в 1275 году дань собирали по полгравине серебра с «сохи»²⁰⁴; в 1384 году брали полрубля с деревни; в 1408 году — полтину с «сохи»²⁰⁵. По заключению историков, рубль и гривна, «соха» и деревня — это одно и то же²⁰⁶, таким образом, до середины XV века размер дани оставался постоянным и составлял полтину с «сохи». Рубль в XIII–XIV веках равнялся 196 г серебра²⁰⁷, полтина — 98 г, если считать в сохе три двора, то на двор придется 33 г серебра или 9 саманидских дирхемов. Если вспомнить, что в киевские времена со двора брали один, максимум два дирхема, то разница покажется огромной. Правда, как отмечалось ранее, в Византии и в Египте обложение составляло 24–26 дирхемов, то есть было много выше монгольской дани. Низкое обложение в киевские времена объяснялось тем, что князья не имели бюрократического аппарата и не могли наладить проведение переписей и строгий сбор налогов. Низкие налоги обуславливали финансовую и военную слабость русских княжеств; они порождали ситуацию, когда военная элита была вынуждена развязывать междоусобные войны и жить грабежом собственной страны. Теперь, с приходом баскаков и даньщиков, появился бюрократический аппарат и появились настоящие налоги — это означало, что появилось сильное государство (правда, это была не Русь, а Золотая Орда).

При всем том, что налоги резко возросли, необходимо учитывать, что их тяжесть зависит от уровня цен. Затруднение состоит в том, что цены на хлеб для XIV века неизвестны. Имеются лишь данные о том, в Пскове в 1409 году (когда хлеб был дешев) на полтину можно было купить 6 зобниц, то есть 8 коробей ржи. В 1425 году на полтину можно было купить 5 зобниц, в 1426 году — 8 зобниц²⁰⁸. Далее цены падают, что объясняется (как мы увидим ниже) демографической катастрофой, произошедшей в этот период, и использовать эти цены для

характеристики положения в конце XIV — начале XV века (как делают некоторые авторы²⁰⁹) нельзя. Поэтому наиболее представительной в данном случае является самая ранняя цена — цена 1409 года, при которой размер дани с сохи был эквивалентен 8 коробьям ржи.

Общий доход «сохи» равнялся примерно 85 коробей. Таким образом, в натуральном исчислении дань составляла $\frac{8}{85}$ — порядка десятой части крестьянского дохода, это соответствует ее другому названию «десятина». Получается, что дань действительно была «десятиной»²¹⁰.

А. Кузьмин²¹¹, оценивая тяжесть дани, отмечает, что в 1420-х годах в Пскове при сооружении крепостной стены работники получили по 6 рублей за 3,5 года, т. е. 1,7 рубля в год (более поздние данные по указанным причинам нельзя принимать во внимание). Дань с пешего работника составляла $\frac{1}{8}$ рубля²¹², следовательно, в данном случае — 7,4% «зарплаты» этого «мужа». В этом случае дань также примерно соответствует «десятине».

Конечно, по сравнению с временами Киевской Руси дань была велика, и это объясняет многочисленные сообщения летописи о «дани великой». Однако, как можно судить по материалам конца XV века, обычная дань была в три — четыре раза меньше тех оброков, которые платили новгородские крестьяне, сидевшие в вотчинных или поместных землях²¹³. Среди этих крестьян были, в частности, «половники», рента которых, как говорит само название, составляла половину урожая. И конечно, повинности крестьян XIV века были несопоставимы с барщиной XIX века, когда крепостные работали на помещика до пяти дней в неделю.

Приведенные здесь оценки уровня душевых сборов и налогов являются весьма приблизительными, но сам по себе порядок величин говорит о том, что в условиях изобилия свободных земель и относительно низких налогов крестьяне не испытывали недостатка в хлебе.

4.7. МОСКОВСКАЯ РУСЬ

Возвышение Москвы началось в начале XIV века борьбой московских князей за великокняжеский престол. После ухода баскаков за сбор и доставку ордынского «выхода» отвечал Великий князь владимирский; это придавало титулу великого князя новое значение. В 1304 году тверской князь Михаил и московский князь Юрий устроили торг в Орде, обещая платить один больше другого, — и хан отдал Михаилу престол вместе с правом на сбор дани²¹⁴. Но Юрий московский не захотел отступить, он снова приехал в Орду, несколько

лет жил в ставке хана Узбека и сумел склонить его на свою сторону. В 1317 году Юрий получил ярлык на великое княжение и в жены — сестру хана Кончаку. Московские князья демонстрировали покорность ханам — в то время как Тверь пыталась сопротивляться; в 1327 году здесь вспыхнуло новое восстание. В итоге Тверь была разгромлена татарами, а Москва закрепила за собой Великое княжение владимирское²¹⁵. Право на сбор дани служило действенным оружием для подчинения других князей, и брат Юрия, Иван Калита, сумел объединить вокруг Москвы значительную часть северо-восточной Руси. Характерно татарское прозвище этого князя — Калита, то есть мешок с деньгами; надо думать, у Ивана Даниловича было достаточно денег, чтобы ладить с ордынскими вельможами. Иван Калита жил попеременно то в Москве, то в Орде, поддерживал хорошие отношения с Узбеком и исправно платил «выход»²¹⁶.

Можно приблизительно оценить долю великого князя и долю хана в общем объеме дани. После прекращения ордынских переписей княжеские даньщики продолжали учет населения²¹⁷ и составляли налоговые росписи; по-видимому, на основании этих данных летопись сообщает, что в 1360 году великое княжение Владимирское насчитывало 15 «тем»²¹⁸. «Тьма» — это административная и фискальная единица, установленная в свое время монгольскими численниками и условно содержащая 10 тысяч дворов. Если считать в сохе один большесемейный двор и учесть, что с «сохи» брали по полтине, то доход московских князей от дани теоретически должен был составлять примерно 75 тысяч рублей²¹⁹. Между тем, при Дмитрии Донском «выход» Великого княжества Владимирского составлял лишь 5 тысяч рублей²²⁰. Таким образом, в Орду шла лишь малая часть собираемой дани, львиная доля ее оставалась в Москве. Это несоответствие между данью и «выходом», конечно, не было секретом для ханов — и его можно объяснить с точки зрения порядков Орды. Дело в том, что в начале XIV века на Ближнем Востоке (и в Золотой Орде) получила распространения система икта, в соответствии с которой эмиры сами собирали налоги в своих владениях, передавая в казну лишь небольшую их часть²²¹. Очевидно, ханы рассматривали улусы русских князей как икта, и этим объясняется как отзыв баскаков, так и незначительная величина «выхода».

При Иване Калите начинается процесс сложения нового русского государства — пока в составе Золотой Орды. Постоянные усобицы конца XIII — начала XIV века породили обстановку анархии и разбоя. Калита сумел навести порядок и «исправи Русскую землю от татей и от разбоиник»²²². Прежде огромное количество средств разворо-

вывалось «сильными людьми» — теперь в сборе дани был наведен порядок²²³. Финансовые учреждения молодого Московского княжества еще только складывались, и статьи доходов были достаточно скромными. Одним из достижений Калиты была передача ему доходов от «тамги» — эти доходы раньше принадлежали татарам. Доходы князя теперь состояли из «тамги», «осмничего» (еще одна рыночная пошлина), «мыта» и медового оброка²²⁴; дань формально принадлежала татарам — хотя, как мы знаем, большая часть ее оставалась в казне князя.

Местная администрация формировалась на основе системы кормлений, известной еще в Киевской Руси; наместники и волостели получали в качестве платы за исполнение своих должностей часть пошлин²²⁵. Среди перемен, принесенных новой эпохой было уничтожение должности тысяцкого; во времена Киевской Руси тысяцкие были выборными предводителями городского ополчения; наряду с вече эта должность была символом городского самоуправления — теперь она исчезла вслед за вече²²⁶. Подражая ханам, московские князья стремились стать самодержавными правителями — однако на этом пути стояло много препятствий. Одним из препятствий была старая традиция решать дела вместе с боярами, Дмитрий Донской завещал своим сыновьям бояр своих любить и без воли их ничего не делать²²⁷. Другим препятствием была традиция наследования, при которой каждому сыну выделялся свой удел — это приводило к дроблению княжества на уделы. Татары также не желали усиления московского князя; в 1340-х годах они наделили великокняжеским титулом князей Твери, Рязани и Нижнего Новгорода. Теперь на Руси было четыре великих князя, которые самостоятельно собирали дань и по отдельности вели дела с Ордой²²⁸.

Возвышение Москвы привлекло к ней бояр, предлагавших князьям свою службу. Древние боярские роды, потомки завоевателей-варягов, понесли большие потери во время борьбы с монголами; их вотчины были разгромлены, холопы частью разбежались и стали свободными людьми²²⁹. Теперь уцелевшие бояре стали стекаться под знамя московских князей. «Со всех сторон собирались знатные служилые люди из Муромы, из Нижнего, из Ростова, Смоленска, Чернигова, даже из Киева и из Волыни», — писал В. О. Ключевский²³⁰. Бояре переселялись с толпами дворовых холопов и слуг; киевский боярин Родион Нестерович прибыл в Москву с двором в 1700 человек²³¹. В XIV веке вокруг московских князей формируется боярская элита; она еще немногочисленна: в этом столетии известно всего 19 московских боярских родов, из них единовременно при дворе находилось,

как правило, не более 12 бояр. Это новая элита: свидетельством разрыва со старой дружинной традицией является исчезновение практики захоронений представителей знати в больших курганах. Родословные московских боярских родов также подтверждают свершившуюся перемену: они все начинаются в XIV веке, хотя известно, что некоторые роды были пришлыми и имели более древние корни²³².

На верхних ступенях новой элиты стояли боярские роды, породнившиеся через брачные связи с княжеским родом. Ранги других родов не были жестко закреплены, что находило выражение в распространенных конфликтах из-за «мест» (русские переняли обычай местничества у татар). Тем не менее новая элита была достаточно сплоченной, и конфликты бояр с князьями были редкими исключениями²³³.

Появление новой элиты нашло свое отражение в появлении новой роскоши. Московская элита заимствовала роскошную восточную одежду — в первую очередь «кожухи» и «шубы» (персидское «дзубба»), покрытые снаружи парчой, бархатом или атласом. Под 1376 годом Никоновская летопись говорит, что «русские воеводы начаша ходити и ездити в охабнех и сарафанех»²³⁴. «Сарафа» по-персидски означает «почетная одежда», это была длинная одежда на меху, ничем не напоминающая современные сарафаны. Охабень — тоже длинная одежда на меху из парчи или из шелка с золотом. Любопытно, что эти меховые одежды носили и летом — обычай, который кажется теперь странным, но который находит объяснение, если мы вспомним, что жители Средней Азии носят теплую одежду и в самое жаркое время²³⁵.

Для современных исследователей символом восточной роскоши является так называемая шапка Мономаха — считается, что это произведение среднеазиатского искусства было подарено Ивану Калите ханом Узбеком. Украшения, нашитые на шапку, были выполнены в технике золотой скани, которая потом была перенята русскими мастерами — таким образом, постепенно возрождалась русская ювелирная школа²³⁶.

Возвращаясь к описанию имущественно положения новой элиты, необходимо отметить, что московские князья давали боярам в вотчины пустующие земли. По свидетельству археологов, большинство крупных поселений возникало на новых, неосвоенных прежде землях — это были боярские села, родовые гнезда, населенные младшими родичами, дружинниками, слугами и холопами²³⁷. Боярские вотчины занимали обширные территории, некоторые бояре имели свыше тысячи десятин земли и десятки сел²³⁸. Среди населения

вотчин преобладали свободные крестьяне, но, как показывают отдельные примеры, около трети крестьян составляли рабы-холопы²³⁹. Со временем имения бояр дробились между наследниками, и к концу XIV—началу XV века относятся сведения об увеличении числа мелких вотчинников; эти вотчинники назывались «детьми боярскими», что само по себе указывает на их происхождение. Имение мелкого вотчинника часто составляло одну деревню; он вел хозяйство с помощью доставшихся в наследство холопов, а иногда и сам пахал землю. Служившие князю вотчинники получали пожалования и освобождение от налогов — но неслужилые должны были нести «тягло» вместе с крестьянами²⁴⁰.

С середины XIV века появляются свидетельства о выдаче жалованных грамот, сначала монастырям, а затем боярам и детям боярским. Жалованные грамоты предоставляли вотчинникам освобождение от налогов и (обычно частичный) судебный иммунитет. Взамен этих льгот дети боярские и бояре с их дружинами должны были нести военную службу — однако эта обязанность прямо не оговаривалась в грамотах. (В принципе военная повинность распространялась на все население и в случае необходимости в войско призывались не только дети боярские, но и крестьяне — с определенного числа «сох» выставлялся один воин, этих воинов называли «посошные люди» или «посоха»). Русское слово «пожалование» является переводом монгольского «союргал», а грамоты, дающие освобождение от налогов, на Руси назывались тарханными грамотами — монгольское слово «тархан» означает «свободный от податей»²⁴¹. Специалисты отмечают, что русские жалованные грамоты по форме восходят к татарским ярлыкам²⁴². Тарханные грамоты были персидским установлением и пришли на Русь через посредство Золотой Орды; в Персии и в Орде владение, освобожденное от налогов такой грамотой, называлось «союргалом»²⁴³.

Как отмечалось выше (в п. 1.9), «халдуновский» цикл в ксенократических государствах сопровождается процессами *феодализации* — постепенной приватизацией владений и должностей, которые их обладатели получили на условиях службы. Этот процесс получил значительное развитие в центральных областях Золотой Орды; аналогичные явления мы видим и на Руси.

В 1359 году феодализация и традиционалистская реакция в Золотой Орде привели к «великой замятне». Русские княжества на время оказались предоставленными сами себе, однако князья не торопились сбросить «ордынское иго»; после каждого переворота они приезжали в Орду и просили ярлыки у нового хана²⁴⁴. Вопрос о том

платить или не платить дань, как видно, был несущественным; московское правительство использовало ослабление Орды для решения других задач — для подчинения князей-соперников. В прежние времена ханы «батогом божьим» наводили порядок среди князей, теперь же повторилась ситуация 1280-х годов: традиционалистская реакция в Орде открыла дорогу реакции на Руси. Снова начались жестокие внутренние войны с опустошением территории противника и взятием огромных полонов. В 1372 году тверской князь взял штурмом Торжок: «От поганых не бывало такого зла, — свидетельствует летописец, — убитых, погорелых, утопших наметали пять скудельниц...»²⁴⁵ В 1373 году московские войска опустошили тверское княжество и «полна много множество разведоша»²⁴⁶. Москва упорно добивалась признания зависимости от Твери; тверские князья обращались за помощью в Литву и к Мамаю — но Москва игнорировала волю Мамаю и марионеточных ханов. В конце концов Дмитрий Донской подчинил Тверь — но Мамай решил покарать дерзкого «улусника». В 1380 году Мамай двинулся на Русь, однако Дмитрию Донскому удалось остановить нашествие на Куликовом поле. Через год Мамай был разгромлен Тохтамышем, который восстановил единство и могущество Орды. В 1382 году Тохтамыш возглавил новое нашествие на Русь; оно завершилось взятием Москвы и опустошением Московского княжества. Результатом этого поражения было возвращение к временам Узбека: Тверь восстановила свою независимость²⁴⁷, русские князья были вновь приведены к покорности, и на Руси на некоторое время установился мир.

После нашествия Тохтамыша Руси было отмерено еще четверть столетия мирной жизни, и раны, нанесенные нашествием, были залечены достаточно быстро. Летопись говорит, что в это время бог дал Руси «тишину» и «благоденство»²⁴⁸; особо говорится о хозяйственных достижениях князя Александра Тверского, который «люди отовсюду собираше, грады Тверские утверди»²⁴⁹. В этот период отмечается значительный рост каменного строительства (см. рис. 4.2). Русь XIV века представлялась византийскому писателю Никифору (?) Григору богатой страной, а русские — «многолюднейшим народом»²⁵⁰. Однако во второй половине столетия появляются некоторые симптомы, говорящие о том, что подъем замедлился — прежде всего, появляются упоминания о голоде. Голод пришел на Русь в 1364 и 1370 годах²⁵¹, и это может служить свидетельством того, что начала сказываться нехватка земли. Другим свидетельством такого рода являются первые сообщения о переходе от подсеки к трехполью; «пашенные леса» были сведены, и крестьяне были вынуждены использовать ста-

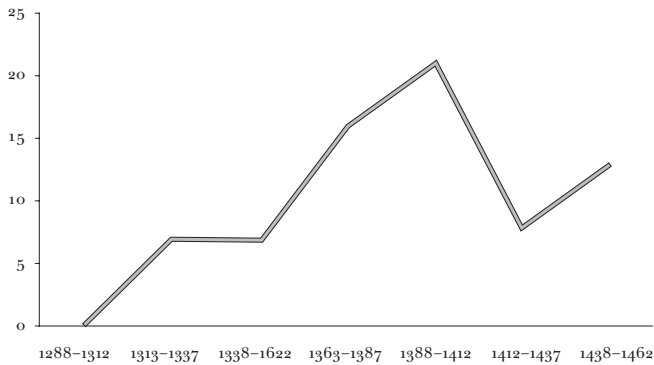

рис. 4.2. Динамика каменного строительства в Северо-Восточной Руси. На графике отражено количество каменных церквей, построенных в Москве, Твери и Нижнем Новгороде по четвертям столетия²⁵³.

ропахотные земли. Однако технология трехполья была еще не совершенна, удобрения не применялись, поэтому старопахотные земли давали урожаи во много раз меньше, чем подсека²⁵². Тем не менее мы не видим на Северо-Востоке Руси серьезных признаков аграрного кризиса — после 1370 года летописи не говорят о голоде, нет свидетельств о разорении крестьян, о ростовщической задолженности, массовой продаже земли или аренде.

Какова была численность населения в те времена? Г. В. Вернадский оценивает общее количество «тем» Северо-Восточной Руси в 27 и считает, что большесемейный двор насчитывал около 20 человек²⁵⁴, тогда получается, что численность населения Северо-Востока составляла примерно 5,4 миллиона — немногим меньше, чем в середине XVII века. Отвлекаясь от вопроса о степени достоверности этой оценки, можно отметить, что в Золотой Орде (помимо Руси) насчитывалось 70 «тем»²⁵⁵, а в Персии в 1270-х годах — 150 «тем»²⁵⁶. Отсюда становится ясным, что роль гегемона в регионе играла Персия и именно она была образцом для ордынских ханов и русских князей.

Рост населения сказался не только на селе, но и в городах. После монгольского нашествия большинство городов лежало в развалинах, но с середины XIII века в некоторых городах отмечается постепенное восстановление хозяйственной жизни²⁵⁷. В XIV веке были восстановлены и достигли значительного развития Ростов, Владимир, Рязань, Суздаль, Нижний Новгород. Крупнейшим из городов Северо-

Восточной Руси была Москва; ее население составляло 20–25 тысяч человек²⁵⁸; население Нижнего Новгорода могло насчитывать 9–18 тысяч жителей, Твери — 6–12 тысяч²⁵⁹. В целом города этого времени были меньше по размерам, чем города Киевской Руси; это явление можно объяснить изменением социальной роли городов: прежде они господствовали над деревней, и их жители не платили налоги, теперь они лишились былых привилегий, и у селян пропал стимул к переселению в город. Потеряв прежние привилегии, горожане, однако, были вынуждены выполнять прежние обязанности: в случае войны они в первую очередь призывались в ополчение, составляя отдельные «городовые полки»²⁶⁰. Об относительной слабости городов говорит и неразвитость городских ремесел; многие ремесла так и не восстановились после нашествия. Каменное строительство возобновилось лишь к середине XIV века; в 1367 году в Москве были возведены каменные стены Кремля, однако каменных зданий в Москве строилось намного меньше, чем в Новгороде: в 1263–1462 годах в Новгороде было построено 176 каменных церквей, а в Москве — только 49²⁶¹. На Северо-Востоке в отличие от Новгорода мы не встречаем упоминаний о многочисленных ремесленных кварталах; как показывают раскопки, горожане в значительной степени жили сельским хозяйством²⁶². О торговле также сохранилось мало сведений — хотя известно, что золотоордынские ханы гарантировали безопасность торговых путей и поощряли торговлю. Для купцов открылась дорога через степь, и Гильом Рубрук сообщает о русских торговцах, привозивших меха в крымский порт Судак («Сурож» русских летописей). Эти купцы снаряжали караваны больших крытых телег, в которые запрягали волов²⁶³. Купцов, торговавших с Крымом, в Москве называли «сурожанами»; они были самыми богатыми московскими купцами — однако среди этих «сурожан» первое место занимали греки²⁶⁴. Помимо дороги через степь в Крым, большое значение имел волжский торговый путь; Нижний Новгород был оживленной гаванью, где приставали десятки судов, принадлежавших русским, армянским, а также мусульманским купцам²⁶⁵. Русские суда плавали по Волге в Булгар и Сарай, и некоторые нижегородские купцы имели значительные капиталы — в летописи упоминается купец Тарасий Петров, который выкупил у татар множество пленников и заселил ими шесть сел²⁶⁶.

До 1370-х годов торговля на Руси осуществлялась при помощи «меховых денег» и слитков серебра. Свидетельством расширения торговли и денежного обращения было начало чеканки монеты князем Дмитрием Донским. На одной стороне монет было написано имя великого князя, а на другой стороне, по-арабски, — название правле-

ния хана (в Орде, как в Китае, определенному периоду правления давалось свое название) ²⁶⁷. Новая московская монета называлась «деньга» — по-монгольски и по-персидски это означает «серебряная монета»; «деньга» Дмитрия Донского в 0,93 г серебра была равна ордынскому дирхему и составляла $\frac{1}{40}$ китайского ляна. Почти одновременно с Москвой началась чеканка монеты в Рязани и Нижнем Новгороде, немного позже — в Твери, Пскове и Новгороде²⁶⁸.

4.8. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Новгород был крупнейшим торговым и ремесленным центром Руси, но история Новгородской земли представляет собой особую страницу русской истории. Во времена Киевской Руси Новгород был оплотом варяжских «вечевых» порядков — в то время как на Северо-Востоке преобладала самодержавная византийская традиция. Это различие между Новгородом и Владимиро-Суздальской Русью было усугублено монгольским завоеванием. Монголы разрушили многие города Северо-Востока, а те города, которые уцелели, лишились вечевого самоуправления и подчинились власти князей и баскаков. Но монголы не дошли до Новгорода, и, формально признав их власть, Новгород остался городом-государством, господствовавшим над обширными территориями. Как и прежде, во времена Киевской Руси, новгородцы обладали правом голоса на вече и пользовались налоговыми привилегиями. Как в старые времена, новгородское вече выбирало посадника, тысяцкого и владыку-епископа. В Новгороде были князья, приезжавшие по приглашению вече, но их функции сводились в основном к военному предводительству. Городские власти заключали с князем договор, «ряд», по которому князь не мог решать никаких существенных вопросов без посадника и тысяцкого; вече в любой момент могло «указать дорогу» князю из Новгорода²⁶⁹.

Новгород был городом-войском, господствовавшим над сельскими областями; его население было хорошо вооружено и составляло «тысячу» — городской полк под командованием «тысяцкого». Пять новгородских районов, «концов», выставляли по две «сотни» во главе с сотскими; каждый «конец» имел своего выборного старосту и свою управу. К каждому из «концов» Новгорода «тянула» обширная сельская область, «пятина»; многие из новгородцев имели земли в «пятинах» — не только бояре, но и «меньшие люди» нередко владели землей, которую обрабатывали арендаторы-«половники». В начале XIV века большинство населения «пятин» составляли крестьяне,

сидевшие на государственной, «черной» земле; как во времена Киевской Руси, этих крестьян называли «смердами». Смерды должны были жить в своем погосте и платить подати; Новгород требовал от соседних княжеств, чтобы они возвращали бежавших смердов²⁷⁰.

Новгород не знал баскаческого управления; в 1258 году татарские численники провели перепись и установили сумму дани; после этого новгородцы сами собирали дань²⁷¹ — или предоставляли право сбора даньщикам великого князя. Дань, шедшая татарам, в Новгороде называлась «черным бором», а дань, шедшая городу, — «поральное», но, судя по отдельным свидетельствам, ее собирали не с «сох», а по-старому, с «дыма» или с «деревни»²⁷². О размерах порального можно судить по тому, что в конце XV века крестьяне черных волостей платили примерно 7% дохода²⁷³. Что касается других податей, то характерно, что источники не упоминают «тамги» — Новгород не принял этого татарского налога²⁷⁴. С данью новгородцы так же поступили по своему усмотрению: поначалу «численники» обложили данью, как крестьян, так и жителей Новгорода, но новгородцы переложили ее уплату на жителей Новоторжского уезда. Источник XV века сообщает, что в то время горожане Новгорода уже не платили «черного бора»²⁷⁵.

Таким образом, монгольское нашествие разделило историю Новгородчины и Московской Руси; другим глобальным фактором, отделявшим Северо-Запад от Север-Востока, было различие природно-экологических условий. По сравнению с владимирским ополем, Новгородчина — это суровый край с бедными почвами, большая часть которых вовсе непригодна для земледелия. Допустимая плотность населения здесь очень мала, поэтому, несмотря на обширные пространства земель, на Новгородчине постоянно ощущалась нехватка хлеба — признак перенаселения. В 20-е годы XIII века перенаселение привело к демографической катастрофе, страшному голоду и мору, которые унесли большую часть населения. После катастрофы в Новгороде наступило время упадка; гибель ремесленников привела к утрате некоторых ремесленных традиций, в Новгороде полвека не строили каменные здания²⁷⁶. Однако постепенно численность населения восстановилась; об этом говорит, в частности, фиксируемый археологами рост числа археологических остатков. От слоя к слою растет число находок кожаной обуви и берестяных грамот, за столетие, с середины XIII по середину XIV века, оно увеличивается примерно вдвое, а к началу XV века — еще вдвое²⁷⁷. Специалисты пишут о стремительном росте Новгорода в XIV веке, о строительстве «окольного города», о расширении Плотницкого и Наревского кон-

цов²⁷⁸. Растут масштабы каменного строительства, за 1313–1337 годы было построено 10 церквей, а за 1388–1412 годы — 33 церкви²⁷⁹; в 1301 и 1331 году обновляются новгородские стены; строятся новые каменные крепости: в 1384 году — Порхов, в 1387 году — Ям. Растет население и на селе; археологи отмечают быстрое разрастание и уплотнение сети сельских поселений²⁸⁰.

В 60-х годах XIV века рост численности населения приводит к появлению первых симптомов перенаселения. К этому времени крестьяне Новгородчины уже давно перешли на трехполье. Берестяные грамоты доносят до нас жалобы крестьян на нехватку земли²⁸¹. «При данном уровне технико-экономического развития и общественного строя Новгород и его земля оказались не в состоянии прокормить население города и деревни», — отмечает В. Н. Бернадский²⁸². Образовалась масса «лишних людей», которые стали искать себе пропитания грабежом и разбоем; как викинги прежних времен, они снаряжали флотилии из сотен «ушкуев», которые спускались по Волге и грабили села на ее берегах — причем продавали захваченных «христиан» на рынке в Булгаре²⁸³. Другими симптомами перенаселения были рост ростовщичества и разложение общины. О развитии ростовщичества свидетельствуют сохранившиеся духовные грамоты зажиточных новгородцев; они перечисляют множество должников — причем в долг берутся относительно мелкие суммы²⁸⁴. Ростовщичеством активно занимаются монастыри — в отличие от монастырей Северо-Востока, новгородские монастыри были «особножительскими»; монахи давали деньги под залог земли и затем снимали землю у неисправных должников²⁸⁵. В деревне появляются безлошадные бедняки-«пешцы» и безземельные «захребетники»; некоторые крестьяне пытаются «заложиться» за бояр — они передают боярам свою землю в обмен на их покровительство. Имеются упоминания о том, что за князей и бояр «закладывались» целые села; закладничество было явлением, аналогичным европейскому патронату и коммендации²⁸⁶ — как известно, на Западе коммендация привела к быстрому и практически полному исчезновению крестьянского землевладения. Бояре расширяли свои владения также и прямым насилием: известны случаи, когда во главе отрядов своих дружинников и холопов они захватывали отдельные погосты и подчиняли их население²⁸⁷.

Разорившиеся крестьяне продавали свои хозяйства не только боярам, но и незнатным новгородцам; при этом они становились арендаторами на своей бывшей земле²⁸⁸. Переписи конца XV века показывают результаты этих продаж — рядом с крестьянскими хозяйствами в деревне можно видеть хозяйства, принадлежащие городским жите-

лям; в этих хозяйствах работают арендаторы-«половники»²⁸⁹. Сведения о половниках появились уже в начале XIV века; как говорит само название, половники отдавали землевладельцу половину урожая — это была очень тяжелая норма эксплуатации. Община постепенно разлагается, зажиточные крестьяне стремятся отделиться от общинного «тягла» и стать собственниками своих пашен; из зажиточных крестьян и купивших землю горожан формируется слой мелких вотчинников, «земцев» или «своеземцев», обладателей «своей земли». Разложение общины — это процесс, которого мы не видим на Северо-Востоке Руси, но который в ярких формах наблюдался в Литве²⁹⁰; в социально-экономическом отношении Новгородчина имела больше общего с Литвой, чем с Московской Русью. В конечном счете это различие обуславливалось недостатком земель — то есть перенаселением Новгородчины. Переписи конца XV века показывают, что наделы крестьян в густонаселенных областях Новгородчины, например, в Деревской пятине, были вдвое меньше, чем на Северо-Востоке Руси²⁹¹.

Процесс разложения общины шел параллельно с процессом раздачи государственных земель новгородским боярам и монастырям. «Обояривание» стало едва ли не ведущей чертой экономического развития Новгородчины в XIV веке²⁹². В отличие от Московского княжества боярам передавались не пустующие земли, а населенные смердами деревни и села. Передача прав не оформлялась тарханскими грамотами, как в Москве, и не содержала права на судебный иммунитет²⁹³, владения новгородских бояр типологически отличались от близких восточному союргулу московских пожалований. Поначалу крестьяне этих деревень лишь выплачивали новому вотчиннику прежние подати — но впоследствии подати постепенно увеличивались. В берестяных грамотах содержится много жалоб на действия управляющих, требующих повышенные подати²⁹⁴. На государственных землях крестьяне платили 8 денег; к концу XV века крестьяне боярских вотчин были вынуждены платить в среднем 35 денег с обжи — около четверти своего дохода²⁹⁵. Эта рента приближалась к ренте арендаторов-половников; столь высокий уровень ренты невозможен при свободе перехода и наличии свободных земель — в такой ситуации землевладельцы вынуждены переманивать крестьян, обещая им льготы (как это было на Северо-Востоке Руси). Рента в четверть или в половину дохода характерна для перенаселенных регионов, где крестьяне страдают от недостатка земли и не могут уйти от помещика (например, для Китая и Ближнего Востока). Таким образом, высокий уровень ренты свидетельствует о нехватке пригодной для обработки земли, а также о затрудненности перехода для некоторых

категорий крестьян, прежде всего для половников. Действительно, уже с начала XIV века в договорах с соседними князьями появляются статьи о выдаче бежавших должников и половников, о том, что половника можно судить лишь в присутствии господина²⁹⁶. Очевидно, ограничение прав половников объясняется их задолженностью своим хозяевам, долговой кабалой; это было явление, характерное для многих перенаселенных регионов.

«Обояривание», нехватка земли и рост эксплуатации имели следствием рост числа земельных конфликтов. В летописях и в актовом материале имеются довольно многочисленные сведения о земельных конфликтах на Новгородчине — в отличие от ситуации в Северо-Восточной Руси²⁹⁷. «Случайно ли это?» — спрашивал А. Д. Горский и высказывал мнение, что причина заключается в имевшемся на Северо-Востоке «земельном просторе»²⁹⁸. Вероятно, правильнее было бы сказать о недостатке земли на Новгородчине.

Недостаток земли заставлял крестьян заниматься промыслами. На Новгородчине мы встречаем явление, которое не отмечается в Северо-Восточной Руси — появляются торгово-ремесленные села, «рядки». Название «рядок» происходит от стоящих в ряд лавок — то есть от рынка; «рядки» располагались вдоль больших дорог, у мостов, иной раз они насчитывали больше сотни дворов торговых и ремесленных «людей». Ремесленники были в каждом селе; в двух погостах Шелонской пятины на 200 дворов приходилось 25 ремесленников²⁹⁹. Многие крестьяне, по-видимому, уходили на заработки в города, прежде всего, в Новгород; во второй половине XIV века в Новгороде отмечается рост ремесленных кварталов. Это время было временем расцвета новгородского ремесла; новгородцы славились своим плотницким мастерством, в городе было много гончаров и скорняков. Скорняжный промысел давал пропитание многим ремесленникам — он был прямо связан с торговлей мехами, которая переживала период невиданного подъема. Меха поступали в Новгород не только из его «пятин», но и из всех русских земель; это была главная торговля Руси; о масштабах этой торговли можно судить по тому, что лишь один корабль, случайно захваченный пиратами в 1393 году, вез мехов более чем на 2 тысячи рублей³⁰⁰. Новгород принимал участие и в торговле восточными товарами: волжский торговый путь вел из Персии и Средней Азии на Новгород и дальше, на Балтику. В Новгороде был особый «Хопыльский ряд», где восточные купцы продавали шелк и пряности³⁰¹.

Раздачи государственных земель Новгорода привели к формированию огромных боярских вотчин. К концу XV века на Новгородчи-

не практически не осталось государственных «черных» земель, при этом $\frac{2}{5}$ всей земли принадлежало 43 «большим боярам». Владения Богдана Есипова охватывали 700 деревень с населением около 10 тысяч человек; столь же значительными были вотчины Марфы Борецкой и Настасьи Григорьевой — их владения во много раз превосходили владения крупнейших московских бояр³⁰². «Большие бояре» имели свои дружины и, как во времена Киевской Руси, ходили собирать дань в северные владения Новгорода³⁰³. Эта дань состояла из пушнины, которая и была главным богатством Новгорода, предметом торговли с немецкими городами. Помимо торговли бояре занимались и ростовщичеством: «Бояре сделали классом крупных землевладельцев и капиталистов-банкиров», — отмечал Н. Рожков³⁰⁴. Богатства бояр давали им власть над Новгородом — хотя формально главные вопросы решало вече, бояре всегда могли «наймовать худых мужиков вечников»³⁰⁵ и добиться нужного им решения³⁰⁶. В посадники и тысяцкие вечники выбирали только бояр, а отбыв на должности свой срок, они становились членами «Совета господ». Формально «Совет господ» занимался подготовкой вопросов для вече, но фактически он руководил всей жизнью Новгорода³⁰⁷. Однако бояре не жили мирно; в XIV веке жизнь города часто омрачалась борьбой боярских кланов; эти кланы имели массу клиентов и втягивали народ в столкновения, приводившие к кровавым погромам. Как отмечает В. Н. Бернадский, ситуация напоминала борьбу патрицианских родов в итальянских городах³⁰⁸.

Вотчины в деревне имели не только бояре; новгородские купцы и «житыи люди» также владели вотчинами, иной раз в сотню «обез», то есть порядка тысячи десятин. Было много мелких вотчин, землю разорившихся крестьян покупали и люди среднего достатка, в частности, многие служители церкви. Мелкие вотчины появлялись также в результате разделов между наследниками; половина вотчинников имела не более пяти крестьянских участков, многие из «своеземцев» мало чем отличались от зажиточных крестьян³⁰⁹.

Основную часть населения Новгорода составляли, конечно, не купцы и бояре, а простой народ, ремесленники и рабочие. Относительно жизни простого народа источники сохранили мало сведений. В 1364 и 1370 годах упоминается голод, в 1352, 1390, 1414 годах — мор. Летопись сообщает о смутах и волнениях, которые не раз охватывали Новгород, о «мятежах» в 1359, 1384, 1388 годах. «Источником смут, заметно обнаружившихся с XIV века, — пишет В. О. Ключевский, — была социальная рознь, борьба низших бедных классов с высшими богатыми. Новгородское общество делилось с тех пор на два

враждебных лагеря, из которых на одном стояли лучшие или вятшие люди, как называет новгородская летопись местную знать, а в другом — меньшие, то есть чернь...»³¹⁰ В. Н. Бернадский пишет о резком снижении уровня жизни населения в начале XV века, о том, что чрезвычайно далеко зашедшая социальная дифференциация привела к росту числа «убогих» в городе, о «напряженной классовой борьбе», приведшей к восстанию 1418 года³¹¹. В деревне также складывалось тяжелое положение: «Сеяти нечего, а ести тоже нечего», — говорится в одной из крестьянских челобитных, относящихся к этому времени³¹².

4.9. ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Первым актом трагедии, разразившейся в начале XV века, стало нашествие Едигея. Экономический рост и усиление Руси позволили московским князьям — признавая сюзеренитет хана — проводить более независимую политику. В 1395 году хан Тохтамыш потерпел жестокое поражение в войне с Тамерланом; Сарай был разрушен, и в Орде снова началась усобица. Великий князь Василий воспользовался этой ситуацией и перестал платить «выход» — однако вскоре Орда вновь объединилась под властью эмира Едигея. В 1408 году войско Едигея внезапно вторглось на Русь — это вторжение было более опустошительным, чем нашествие Тохтамыша. «Воинство же татарское, разпущенное Едигеем, воеваша и поплениша много, — говорит летопись, — взяша же град Переславль и огнем сожгоша, и Ростов, и Дмитров, и Серпухов, и Верею, и Новгород Нижний и Городец, и власти и села поплениша и пожгоша. А иное многое множество христиан от зимы изомроша, бяше бо тогда зима тяжка и студена зело»³¹³. Нашествие породило разруху и голод; затем последовал новый набег татар на Владимир, взятие города и опустошение округа — следствием был новый голод, охвативший нижегородские земли³¹⁴. Не прошло и пяти лет после этого голода, как в Новгород пришла «Черная Смерть» — начался второй акт трагедии.

Историю России нельзя рассматривать в отрыве от окружающего мира, отвлекаясь от влияния внешних факторов. Эпидемия чумы была одним из таких факторов — она была занесена из Европы, где чумные эпидемии свирепствовали уже семьдесят лет. «Черная Смерть» пришла в Европу в 1348 году; эта первая эпидемия погубила около половины населения Италии, треть населения Англии, четверть населения Германии. Размеры нанесенных чумой потерь

были тем большими, чем больше была плотность населения, и становились катастрофическими в перенаселенных странах, где чума и голод шли рука об руку. Для современников связь между недоеданием и чумой была чем-то очевидным, и это прямо говорит о том, что распространение чумы было следствием перенаселения³¹⁵. На Руси в то время не было перенаселения, и эпидемия не принесла таких потерь, как в Европе. По оценкам специалистов, смертность вряд ли составляла больше 5% населения³¹⁶; эти потери могли быть возмещены в 3–4 года. К концу XIV века население Европы отчасти восстановилось — но в 1410-х годах пришла вторая волна чумы; в некоторых районах она оказалась страшнее первой — например, в Провансе погибло около половины населения³¹⁷. В 1418 году чума пришла в Новгород — и теперь она нашла благоприятные для эпидемий условия перенаселенного региона.

«Того же лета мор бысть страшен зело на люди в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Ладозе, и в Русе, и в Порхове, и в Торжку, и во Твери, и в Дмитрове, и по властем и селам. И толико велик бысть мор, яко живии не успеваху мертвых погребати... и многа села пусты бяху и во градах и в посадех и едва человек или детище живо обреташеся; толико серп пожа человеки, аки класы и быша дворы велици и силнии пусты, едва от многих един или два остася...»³¹⁸

Не успел закончиться мор, как вспыхнуло большое восстание. «Чернь с одиная сторона, а с другую бояре»³¹⁹, — так повествует о восстании летопись. «Много разграбише дома боярьскыи»³²⁰. Все обиды выплеснулись наружу: боярина Божина убили за то, что «обидел бедных», боярина Клементия Ортемьича убили «про землю»³²¹. «...Восста в Новгороде межюсобнаа брань, и бысть кровопролитье и убийства межи их много и едва смири их владыка Симеон»³²².

На следующий год мор возобновился и вскоре пришел на Московскую Русь. Северо-Восток еще не оправился от нашествия Едигея, и эпидемия приняла большие размеры. «Мор бысть силен зело во всеи земли Русстей, — говорит летопись, — наипаче же на Костроме, и в Ярославле, и в Юрьеве, и в Володимере, и в Суздале, и в Переяславле, и в Галиче, и на Плесе и в Ростове и изомроша людие и стояще жито на нивах пусты, жати некому. И того же месяце Сентября в 15 день... поиде снег и иде 3 дня и 3 ночи... и мало кто жита пожал по схождении снега и *бысть глад по великому тому мору* по всей Русской земле...»³²³.

«*Был глад по великому тому мору*», — это была та самая «адская пара», которая погубила половину населения Италии и Прованса³²⁴. «...И умираху паки человеци от глада... — говорит летопись — и *мало*

людей во всей Русской земле остася от мору и от меженины»³²⁵. Однако это было лишь начало танца смерти, который продолжался *три года*. В 1421 мороз снова погубил урожай, и в обстановке голода в Новгороде вспыхнуло новое восстание. «Того же лета Новгороде в Великом брань бысть и кровопролитие, — говорит летопись, — возташе два конца, Наревский и Словенский... бояр дворы разграбише и людей много избише»³²⁶. «Той же осени... началась быти болезнь коркотнаа в людех, и на зиму глад был... — повествует летописец о событиях следующего, 1422 года. — Того же лета глад бысть велик во всей земле Русской и по новгородской, и мнозии людие помроша з голоду, а инии из Руссии в Литву изыдоша, а инии на путех с глада и з студения помроша... а инии же и мертви скоты ядыху, и кони, и пси, и кошки, и кроты, и *люди людей ядоша*, а в Новгороде мертвых з голоду з скудельницы наметаша...»³²⁷.

Летописец добавляет, что в Москве кадь ржи стоила полтора рубля, а в Нижнем Новгороде — даже шесть рублей. В Пскове сохранились запасы прежних лет, и цена на рожь была значительно ниже: на полтину давали 2,5 зобницы³²⁸. Толпы голодающих устремились в Псков, однако псковские власти стали разгонять пришлых людей и запретили продавать им хлеб. Псков был наполнен умирающими, едва успевали хоронить покойников. «...И накладоша тех пустотных в Пскове 4 скудельницы, а по пригородам и по волостем по могильем в гробех покопано, то тем и числа нет», — говорит летопись³²⁹.

На примере Пскова можно видеть, как наличие запасов позволяет предотвратить катастрофу — хотя бы в отдельных районах. В принципе русские крестьяне всегда создавали запасы «про черный день». Во времена Калиты и его сыновей летописи не раз говорят о засухах и стихийных бедствиях — но голода не было: у крестьян было много хлеба в амбарах. Однако в начале XV века новгородские крестьяне не могли создавать запасы из-за перенаселения, нехватки земли и высокой ренты; на Северо-Востоке запасов не было в результате едигеева разорения и разрухи.

Трехлетний «великий глад» закончился в 1423 году; «великий мор» продолжался еще пять лет. Позже голод и мор не раз возвращались, в 1431, 1436, 1442, 1445 годах. В 1433 году началась междоусобная война между князьями и к жертвам голода и мора прибавились жертвы военного разорения.

Каковы были масштабы этой катастрофы? Что стоит за словами летописи «*мало людей во всей Русской земле остася*»? Археологи свидетельствуют, что количество находок кожаной обуви и берестяных грамот в Новгороде уменьшается примерно вдвое³³⁰ — поэтому

можно предположить, что население уменьшилось примерно в два раза. Правда, число строящихся церквей поначалу даже возросло: уцелевшие новгородцы ставили церкви в благодарность за спасение от чумы — однако в дальнейшем масштабы строительства сокращаются в полтора раза³³¹. После похода Витовта в 1428 году новгородцы были вынуждены заплатить контрибуцию в 5 тысяч рублей, причем собирали по всем волостям, по рублю с 10 человек³³². Это означает, что количество взрослых мужчин составляло примерно 50 тысяч, а общая численность населения — около 250 тысяч. Для сравнения отметим, что в 1500 году численность населения составляла примерно 520 тысяч человек³³³, то есть в принципе Новгородчина могла прокормить вдвое большее население, чем в 1428 году, и вполне возможно, что до катастрофы население составляло около полутора миллиона. Падение численности населения привело к недостатку рабочей силы; сохранилось свидетельство управляющего одной из вотчин: он пишет, что половина вотчины пуста, а оставшиеся крестьяне хотят уйти³³⁴. Для европейских специалистов, изучающих экономические последствия «Черной Смерти», одним из основных признаков демографической катастрофы является резкое падение хлебных цен и вздорожание рабочей силы³³⁵. После «великого мора» на Северо-Западе цены упали вдвое: в 1409 году рожь во Пскове «была дешевой» и за полтину давали 6 зобниц, а в 1434 году за полтину давали уже 13 зобниц³³⁶. Рабочая сила была очень дорогой: строительному рабочему платили за полгода рубль³³⁷; в пересчете на рожь дневная оплата составляла примерно 25 кг зерна³³⁸. Нужно отметить, что в то время как по всей Руси свирепствовали усобицы, в Пскове было относительно спокойно; здесь уже начался период восстановления.

На Северо-Востоке Руси «едигеево нашествие» и «великий мор» настолько врезались в память народа, что стали началом народного летосчисления; несколько поколений спустя крестьяне все еще отсчитывали время от этих событий³³⁹. «Волость, господине, Ликужская запустела от великого поветрия... — рассказывал много позже один из костромских крестьян, — и волостных, господине, деревень Ликужских тогда осталась *одна шестая деревень с людьми...*»³⁴⁰. Специалисты отмечают сильное запустение Дмитровского и Переяславского уездов³⁴¹. Акты Троице-Сергиева монастыря показывают, что запустение после «великого мора» было столь велико, что многие земли лежали впусе и заросли большим лесом³⁴². Из 75 документов этого монастыря, относящихся к 1392–1432 годам, 26 говорят о пустошах. Л. Лангер детально показывает, как используя создавшуюся ситуацию, монастыри быстро расширяли свои владения³⁴³. По данным

археологов, в Московской земле погибло около пятой части деревень³⁴⁴— хотя, конечно, потери в населении были значительно большими, ведь в уцелевших деревнях мор и голод тоже унесли много жертв. В Москве и в Твери, резко, в 2,5–3 раза, сократились масштабы каменного строительства³⁴⁵. Как во времена монгольского нашествия, катастрофа отразилась и на летописании; пресеклись многие летописи, и вплоть до середины XV века в русском летописании появился зияющий провал³⁴⁶.

Наиболее трагическим обстоятельством было то, что катастрофа породила тяжелый социально-политический кризис, который затянулся на тридцать лет. Причиной кризиса было бессилие московских князей, потерявших в результате катастрофы большую часть своих доходов и своего войска. Казна была пуста, и князья печатали неполновесные монеты; со времен едигеева нашествия до середины XV века московская деньга обесценилась в 2,5 раза. В своей слабости русские князья старались во чтобы то ни стало держаться Орды: они надеялись, что ханы предотвратят угрожавшую Руси усобицу. В 1432 году московский князь Василий II и его соперник Юрий Звенигородский сами приехали в Орду и попросили хана рассудить их— но хан был бессилён приказывать: Орда распадалась под ударами кочевой реакции. Как в 1280-х и в 1360-х годах, разделение Орды вызвало войну между князьями. Юрий Звенигородский, восставший против великого князя Василия, пытался вернуть удельные традиции времен Киевской Руси— это была *традиционалистская реакция* на введенные Калитой новые порядки Москвы, реакция, которая всегда приходит вслед за периодом господства диффузионного самодержавия. Слабость великого князя позволила Юрию и его сыновьям одержать несколько побед. Символом бессилия княжеской власти стала битва на Нерли, когда Василий II смог собрать для отражения татарского набега лишь полторы тысячи воинов— он был разбит и попал в плен. Сравнительно небольшие татарские отряды постоянно прорывались за Оку, почти беспрепятственно грабили Русь и уводили полоны «без счета». Подобные события происходили и на Северо-Западе: пользуясь ослаблением Новгорода, литовцы и орденские рыцари беспрепятственно грабили его земли. Новгород воевал с Тверью и с Москвой, причем в этих междоусобных войнах, как раньше, брали большие полоны³⁴⁷. В 1444–1445 годах немцы опустошили Водскую и Ижорскую земли, а тверичи— Бежецкую землю и окрестности Торжка; хлеб в Новгороде резко подорожал; кадь ржи продавалась за полтину— и эта дороговизна стояла десять лет. «И бысть скорбь и туга христианам вельми, — говорит летопись, — толко слышати плач

и рыдание по улицам и по торгу, и мнози от глада падающе умираху... и много разидошася; инии в Литву, а инии в Латинство... А в то же время не бе в Новгороде правде и правого суда... и начаша грабити по селам и по волостем и по городу...»³⁴⁸ Одно бедствие порождало другое; разруха порождала слабость, а военная слабость открывала дорогу усобицам и набегам, которые порождали разруху и голод. «... А землю русскую остаток истратиша, межи собой бранячися»³⁴⁹, — такой итог подводит летопись княжеским усобицам.

Борьба между Василием II и удельными князьями вывела на арену новую силу — окрепшее, могущественное боярство. Раньше, во времена Киевской Руси, бояре не играли самостоятельной роли в межкняжеских войнах. Теперь ситуация изменилась; в XIV–XV веках многие вотчины превратились во владения типа союргала и уже не контролировались князьями. В результате мы становимся свидетелями удивительного события: когда князь Юрий в 1433 году овладевает великим княжением, бояре уходят от него к князю Василию — происходит нечто вроде выборов великого князя, и Юрий вынужден сойти с престола. Подобная ситуация повторяется еще раз в 1446 году — ответственность такого «голосования» становится понятной, если учесть что войска князей состояли в основном из боярских дружин. В результате князья уже не могут принимать важных решений без совета с боярской думой; к примеру, в 1471 году, перед походом на Новгород, Иван III созвал на думу своих братьев, митрополита, архиереев, бояр и воевод³⁵⁰.

В конечном счете Московское государство выдержало суровое испытание долгой междоусобной войны. Новая Русь не распалась, как Орда, под ударами реакции; она восприняла и удержала в себе принесенные монголами традиции великих восточных империй. Пытавшиеся вернуть «киевскую старину» удельные князья были разгромлены, и все удельные княжества (кроме одного) были ликвидированы. В середине XV века начался новый период российской истории.

4.10. ВЫВОДЫ

Переходя к анализу истории монгольской Руси с точки зрения трехфакторной модели, необходимо, прежде всего, обратить внимание на своеобразие диффузионных процессов в описываемый период. Волна монгольского нашествия имела глобальный характер, и порожденные ей диффузионные процессы существенно зависели от последовательности завоеваний. Овладевая очередной страной,

монголы впитывали ее культурные элементы и в своем дальнейшем продвижении переносили эти элементы вместе с собственно монгольскими. Таким образом монголы принесли на Русь не только монгольское оружие, но китайскую систему управления. В дальнейшем волна завоеваний принесла эти монгольские и китайские элементы в Иран, и здесь в процессе социального синтеза к ним присоединились местные, иранские культурные элементы, такие как ислам, система икта и персидская монархическая традиция. Когда полвека спустя Иран стал могущественным государством, то эта соединенная персидско-монголо-китайская традиция стала распространяться на другие страны, на Индию, Египет и на Золотую Орду (в составе которой находились русские княжества). Таким образом диффузионная волна, порожденная монгольским нашествием, пришла на Русь еще раз — с дополнительными иранскими компонентами.

С другой стороны, нельзя не усмотреть определенной закономерности в процессах социального синтеза и последующей трансформации, имевшей место в хазарский, норманнский и монгольский периоды истории России. Во всех трех случаях после окончания социального синтеза и в начале нового демографического цикла новое государство (Хазария, Киевская Русь или Золотая Орда) подвергалось трансформации по образцу расположенных южнее могущественных цивилизованных стран. Во всех трех случаях эта трансформация подразумевала принятие новой религии: Хазария приняла иудаизм, Киевская Русь — православие, а Золотая Орда — ислам. Вслед за принятием религии всегда следовала глубокая культурная трансформация по образцу цивилизации-донора.

Представляется, что наиболее естественное объяснение этой постсинтезной трансформации заключается в своеобразии географического расположения Руси — в ее соседстве с могущественными цивилизациями Ближнего Востока. Это соседство постоянно побуждало Русь к преобразованию по их образцу, но нашествия варваров прерывали эти диффузионные процессы, а когда после социального синтеза на руинах возникало новое государство, то все приходилось начинать сначала.

Необходимо отметить то обстоятельство, что к моменту монгольского завоевания Русь не представляла собой социально-культурного единства. В то время как Новгород оставался приверженным к варяжским традициям, на Северо-Востоке превалировала перенесенная из Киева византийская традиция. Монгольское завоевание усугубило этот культурный раскол: Северо-Запад остался в области традиционной культуры, порожденной норманнским культурным

кругом, а Северо-Восток вошел в область монгольского культурного круга. Как отмечалось выше, в монгольском культурном круге, и в частности, в Золотой Орде и Персии, происходили сложные процессы социального синтеза. Поначалу в этом синтезе преобладали китайские традиции, потом — мусульманские и персидские, но в конечном счете — в соответствии с теорией Ибн Халдуна — возобладала традиционалистская, кочевая реакция. В итоге основанные монголами государства распались на племенные ханства. Таким образом, социальный синтез не привел к созданию устойчивых обществ — хотя в первой половине XIV века в развитии Золотой Орды имелся период относительной стабилизации, когда казалось, что синтез завершится успешно.

На Северо-Востоке Руси тоже проходил процесс социального синтеза, процесс взаимодействия прежних, византийско-норманнских, и новых, китайско-персидско-монгольских традиций. В итоге этого синтеза новая московская государственность была построена по китайско-персидскому образцу, а некоторые норманнские традиции были вытеснены новыми порядками (речь идет о вече и привилегированном положении городов). Однако часть норманнских традиций сохранилась, и в частности, сохранились удельные порядки и боярские вотчины. Характерно, что в периоды ослабления ордынского влияния на Русь происходило быстрое восстановление старых обычаев — наступала *традиционалистская реакция*, начинались усобицы князей и захваты полона. Этапы *социального синтеза* на Руси следовали за этапами социального синтеза в Персии и Золотой Орде — причем генератором этого процесса была Персия, самое могущественное государство Ближнего Востока. Сначала преобладали китайские традиции, для этого периода характерно введение на Руси китайской налоговой системы и сбор налогов баскаками. Затем (после реформ Газан-хана) возобладала персидская система икта и русские князья стали самостоятельно собирать налоги, отправляя часть их в казну. Этот период характеризуется относительной стабилизацией политических и общественных отношений; в Золотой Орде это было время правления Узбека, а на Руси — время правления Калиты и его сыновей. Иван Калита по праву должен считаться основателем воспринявшего китайско-персидские традиции Московского государства.

К 1360-м годам относится первая вспышка традиционалистской, кочевой реакции в Золотой Орде; на Руси эта реакция проявилась в отказе платить дань и в межкняжеских войнах. Кризис этатистской монархии в Персии и в Золотой Орде сопровождался распространением иммунитетных владений, союргалов; владения такого типа рас-

пространились и на Руси. Боярские вотчины приобрели налоговый и судебный иммунитет, и бояре превратились в могущественное сословие, определявшее политику московских князей.

Тохтамыш и Едигей на время восстановили единство Орды, но затем, в 1430-х годах, последовала новая вспышка кочевой реакции. На этот раз Орда распалась навсегда — и соответственно, Русь была охвачена новой вспышкой внутренних войн. Одно время могло показаться, что на Русь вернулись «норманнские» порядки прошлого — однако в конечном счете основанное Калитой государство устояло.

Такова интерпретация истории монгольской Руси с точки зрения диффузионистской теории; остается рассмотреть действие внутренних факторов. Главным из этих факторов был рост населения. С первых десятилетий XIV века на Руси начался *период восстановления*; для этого периода характерны наличие свободных земель, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, дороговизна рабочей силы, относительно высокий уровень потребления, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества. На Северо-Востоке в условиях изобилия свободных земель период восстановления был вместе с тем периодом колонизации; колонизация (на короткое время прерванная нашествием Тохтамыша) продолжалась в течении всего XIV века — вплоть до едигеева разорения и «великого мора». На Новгородчине скудность природных ресурсов привела к перенаселению и стагнации, начался *период Сжатия*. Как и во всех перенаселенных странах, для этого периода были характерны исчерпание ресурсов свободных земель, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, распространение ростовщичества и аренды, рост крупного землевладения, низкий уровень потребления основной массы населения, высокие цены на хлеб, уход разоренных крестьян в города, рост городов, развитие ремесел и торговли. Все эти явления, резко отличающие положение на Новгородчине от положения на Северо-Востоке, являются результатом узости экологической ниши, результатом перенаселения и Сжатия. Но нужно учесть, что Сжатие проходило в условиях сохранения норманнских традиций, в условиях существования новгородского города-государства. Особенно характерно в этой связи такое явление, как «ушкуйничество» — превращение голодающей бедноты в «новых викингов».

Низкий уровень жизни населения создавал благоприятную почву для эпидемий, и *экосоциальный кризис*, разразившийся в 1417 году, начался с эпидемии чумы. В то время как на Новгородчине такое течение событий было предопределено перенаселением и Сжатием,

на Северо-Востоке условия для эпидемического взрыва были созданы едигеевым нашествием и разрухой. Эпидемия совпала с неурожайными годами «и бысть глад по великому тому мору» — произошла одна из самых страшных демографических катастроф в истории России. Бедствия не закончился с окончанием голода и мора, они продолжались тридцать лет, и в этот период мы наблюдаем все характерные черты классического *экосоциального кризиса*: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер *демографической катастрофы*, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности.

Необходимо, однако, отметить, что восстания, направленные против крупных собственников, бояр, отмечаются только на Новгородчине — там, где демографический цикл последовательно прошел все стадии, включая стадию Сжатия. На Северо-Востоке не было Сжатия, здесь цикл был прерван едигеевым нашествием и «великим мором» — так же, как предыдущий цикл был прерван монгольским нашествием.